
Б.А. Хейфец
В.Ю. Чернова

НОВЫЙ МИРОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК
ИМЕНИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА
И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ
ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Москва
Институт экономики РАН
2026

Рецензенты:
член-корр. РАН А.В. Кузнецов,
член-корр. РАН М.Ю. Головин

Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Новый мировой экономический беспорядок имени Дональда Трампа: последствия для государств постсоветского зарубежья: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2026. – 68 с.

Рассматриваются особенности перехода к новому мировому экономическому порядку (НМЭП) в условиях усиления персонализации международных экономических отношений и возрастания конфликтности и непредсказуемости мирового развития. Особое внимание уделено влиянию на эти процессы современной политики Д. Трампа (Трампономики 2.0), ее теоретическому обоснованию и практическим последствиям для глобальной экономики и для конкретной группы государств постсоветского зарубежья. Рассмотрены шесть возможных сценариев формирования НМЭП для исправления существующей ситуации экономического беспорядка.

Ключевые слова: мировой экономический беспорядок, Трампономика 2.0, экономический рационализм, геополитическая фрагментация, тарифная война, протекционизм и изоляционизм, макрорегиональные зоны влияния, интеграция интеграций.

Классификация JEL: F01, F12, F13, F41, F52, F68.

ISBN 978-5-9940-0809-6

Kheyfets B.A., Chernova V.Yu. Donald Trump's New Global Economic Disorder: Consequences for Post-Soviet States: Scientific Report. – M.: Institute of Economics RAS, 2026. – 68 p.

This report examines the characteristics of the transition to a new global economic order (NWEО) in the context of increasingly personalized international economic relations and growing conflict and unpredictability in global development. Particular attention is paid to the impact of Donald Trump's current policies (Trumponomics 2.0) on these processes, its theoretical justification, and its practical implications for the global economy and for a specific group of foreign post-Soviet states. Six possible scenarios for the formation of the NWEО to address the current economic disorder are considered.

Keywords: global economic disorder, Trumponomics 2.0, economic rationalism, geopolitical fragmentation, tariff war, protectionism and isolationism, macro-regional zones of influence, integration of integrations.

JEL Classification: F01, F12, F13, F41, F52, F68.

© Хейфец Б.А., Чернова В.Ю., 2026
© Институт экономики РАН, 2026
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Что означает мировой экономический беспорядок.....	10
Глава II. Теоретические и идеологические предпосылки возникновения нового мирового экономического беспорядка	15
1. Персонализация международных отношений.....	15
2. Идеология и теоретические обоснования Трампономики 2.0 – вызов прежнему либеральному порядку в мировой экономике	19
Глава III. Последствия новой торгово-экономической политики Д. Трампа для мировой экономики.....	29
1. Стимулирование национального экономического изоляционизма и протекционизма.....	30
2. Перестройка производственных цепочек и логистических маршрутов.....	34
3. Перенаправление глобальных товарных потоков.....	36
4. Расширение старых и формирование новых интеграционных альянсов без участия США.....	40
Глава IV. Адаптация стран постсоветского зарубежья к новому мировому экономическому беспорядку	42
Глава V. Насколько продолжительным будет новый мировой экономический беспорядок	50
Заключение	59
Литература	62
Сведения об авторах	67

Люди сами делают свою историю,
но они ее делают не так, как им вздумается.

*Карл Маркс (Восемнадцатое брюмера
Луи Бонапарта. 1852)*

ВВЕДЕНИЕ

После потрясений, вызванных глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., в академических публикациях закономерно обострилась дискуссия о модернизации сложившегося мирового экономического порядка. По этому поводу высказывались различные точки зрения, но всегда присутствовал общий вывод о том, что в условиях усиления многополярности и мультилатерализма в мире необходим поиск новой системы международных отношений, отражающей изменившийся баланс сил и интересов главных экономических акторов на мировой арене. Такие публикации активизировались в дальнейшем, особенно в связи с развитием геополитической и экономической конфликтности в мировой экономике и обострением глобальных проблем, но они больше носили теоретический и дискуссионный характер.

И вот в 2025 г. во второй раз к президентству в США пришел Д. Трамп, который своими экстраординарными указами и другими нестандартными деяниями, где особое место заняло вооруженное нападение на Иран 28 февраля 2026 г., в корне изменил наши представления о принципах, правилах и институтах в мировой экономике и политике. Точнее говоря, действия Д. Трампа привели к мировому экономическому БЕСПОРЯДКУ, т.е. к грубому разрушению работающего, хотя и со скрипом, мирового экономического порядка. Иными словами, *беспорядок — это кризисный этап, когда перестают действовать полностью или действовать избирательно привычные нормы мирового экономического порядка.*

А. МакКейл из Лондонской школы экономики и политических наук выделяет шесть атрибутов международного беспорядка: международная нестабильность; международная неопределенность или непредсказуемость; игнорирование международного права; международные политические разногласия, прежде всего по основополагающим международным принципам; международная дисфункция, характеризующаяся утратой эффективности международных норм, правил и механизмов управления; наличие противоборствующих интересов, провоцирующих открытые боевые действия¹.

Г. Генслер с соавторами отмечают, что нарушение глобальной экономической системы, которую США помогли построить и возглавить, может ускорить переход мира к более неопределённому многополярному экономическому порядку, что негативно скажется как на экономике США, так и на мировой экономике в краткосрочной и долгосрочной перспективе².

Идею о разрушении старого миропорядка развивает профессор Корнеллского университета Э. Прасад в своей новой книге «Петля рока: почему мировой экономический порядок по спирали превращается в беспорядок», где утверждается, что силы, призванные стабилизировать мировую экономику, на самом деле стимулируют глобальную нестабильность³.

Еще жестче по этому поводу высказался премьер-министр Канады М. Карни — авторитетный экономист и политик и единственный в мире человек, который в разные годы возглавлял центральные банки двух стран (Канады и Англии). На Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2026 г. он заявил, что вместо прежнего мирового порядка, основанного на правилах, возникла система обостряющего соперничества великих держав, где самые могущественные преследуют свои интересы, используя экономическую интеграцию как принуждение⁴.

-
1. McKeil A. (2021). On the concept of international disorder // *International Relations*. Vol. 35. No. 2. Pp. 197–215. <https://journals.sagepub.com>. DOI: 10.1177/0047117820922289.
 2. Gensler G., Johnson S., Panizza U., di Mauro B.W. (eds.) (2025). *The Economic Consequences of The Second Trump Administration: A Preliminary Assessment* // Paris & London: CEPR Press. <https://cepr.org/publications/books-and-reports/economic-consequences-second-trump-administration-preliminary>
 3. Prasad E.S. (2026). *The doom loop: why the world economic order is spiraling into disorder*.
 4. WEF (2026). Special address by Mark Carney, Prime Minister of Canada. 20 January. <https://www.weforum.org/stories/2026/01/davos-2026-special-address-by-mark-carney-prime-minister-of-canada/>

В аналитической записке к новой американской Стратегии национальной безопасности, опубликованной в январе 2026 г., формулируется принципиальный для политики Д. Трампа вывод о том, что сама идея международного порядка, основанного на правилах, является «абстракцией из воздушного замка»⁵. Данное заключение, как справедливо отмечает М.В. Сиссон, является идеологическим обоснованием позиции, согласно которой США не должны быть сдерживаемыми и демонстрировать, что они не будут сдерживаться в применении экономической и военной мощи⁶.

Наконец, нельзя не привести самую жесткую оценку современного миропорядка, данную руководителем глобальной супердержавы — КНР Си Цзиньпином, заявившим, что мир находится в хаосе из-за конфликта на Ближнем Востоке⁷.

Такая ситуация перевела проблему нового мирового экономического порядка (НМЭП) из области теоретических дискуссий и вялотекущих реформ в насущный императив конкретных действий мирового сообщества, что нуждается в научном обосновании и дискуссии. Об этом свидетельствует все возрастающее число научных публикаций по данной проблеме в мире и в России.

В этой связи авторы поставили цель дать собственную оценку влияния экономической политики Д. Трампа (Трампономики) на развитие фундаментальных процессов глобализации и регионализации мировой экономики, в которой особую роль приобрела геополитическая фрагментация, а на изменение характера международного разделения труда и структурных дисбалансов в новых условиях. Для такого исследования были поставлены задачи: проанализировать теоретические и идеологические обоснования Трампономики, особенности современной торговой войны и ее последствий для мирового экономического порядка, а также оценить соответствующие вызовы для государств постсоветского зарубежья для понимания их

-
5. Department War (2026). National Defense Strategy. 23 January. P. 1.
 6. Sisson M.W. (2026). We built the order for a reason. February. <https://www.lowyinstitute.org/publications/carney-s-rupture-rethinking-rules-based-order-0>
 7. Bloomberg. Xi Says World Order 'Crumbling Into Disarray' as War Takes Toll. 2026. 14 April. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-04-14/china-s-xi-urges-closer-spain-ties-to-counter-global-disarray>

экономических перспектив и выработки защитных мер в условиях новой волны протекционизма.

Методологическая база исследования опирается на междисциплинарный синтез неинституциональной экономической теории, международной политэкономии и концепций глобального управления. Фундаментом выступает системный анализ трансформации мирового экономического порядка, рассматривающий архитектуру международных отношений как динамичную среду, подверженную деструктивным политическим шокам и геополитической фрагментации.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК

Чтобы понять влияние Трампономики на экономический миропорядок, надо уточнить, какой смысл несет само это понятие. В научном дискурсе существуют различные трактовки термина «мировой экономической порядок» — от «спонтанного порядка» до «геоэкономического порядка» (табл. 1).

Любопытны и определения экономического миропорядка в научно-популярных справочных изданиях. Так, в электронной Большой российской энциклопедии отмечается, что «порядок в мировой экономической системе решающим образом регулируется международным правом — совокупностью юридических норм, создаваемых совместно различными государствами с целью упорядочения их взаимных отношений (интересов) в различных областях... Порядок в мировом хозяйстве поддерживается лидерством наиболее крупных по экономическому, политическому и военному потенциалу государств»⁸.

Согласно определению, приведенному в авторитетной энциклопедии The Britannica, международный экономический порядок «состоит из правил, норм и институтов (таких как ВТО, МВФ и Всемирный банк), регулирующих трансграничную торговлю и обмен капиталом». Эта система балансирует национальные интересы с международным сотрудничеством⁹.

8. БРЭ (2026). Мировое хозяйство. <https://bigenc.ru/c/mirovoe-khoziaistvo-2f96f5>

9. The Britannica (2006). International economics. <https://www.britannica.com/topic/international-economics>

Таблица 1. Представления о мировом экономическом порядке

Автор	Определения
<i>Saxonhouse</i> , 1988 ^a	рассматривает экономический порядок как противостояние хаосу, который характеризуется отсутствием лимитов или границ
<i>Siebert</i> , 2008 ^b	понимает экономический порядок как институциональное соглашение в виде системы международных правил, отражающих международные взаимодействия и взаимозависимости реальных экономик
<i>Градов, Иванова, Гутман</i> , 2003 ^b	рассматривают экономический порядок как систему экономических и иных общественных институтов, регулирующих хозяйственную деятельность
<i>Ikenberry, Myers</i> , 2011 ^г	экономический порядок трактуется как управляющий механизм между группой государств, включая их основные правила, принципы и институты
<i>Johnston</i> , 2019 ^а	экономический порядок понимается как совокупность институтов, правил и норм, которые в большей или меньшей степени отражают интересы доминирующего государства
<i>Cerella</i> , 2022 ^e	экономический порядок подразумевает определенный уровень регулярности, что приводит, по крайней мере, к базовому ощущению предсказуемости
<i>Mallin</i> , 2025 ^ж	предложил заменить термин «экономический порядок» на «геоэкономический порядок», что отражает переход к пониманию экономических выгод с точки зрения безопасности и рисков, порождаемых взаимозависимостью и связанностью
<i>Dlakavu</i> , 2025 ^з	рассматривает экономический порядок как систему международного сотрудничества, основанную на доктрине либерализма и международных институтов системы ООН
<i>Дынкин</i> , 2024 ^и ; <i>Lake</i> , 2026 ^к	мировой порядок определяется как устойчивый набор институтов и норм военно-политических и экономических отношений, оформленный институционально, и легитимный в международно-правовом смысле

^a *Saxonhouse G.R., Saxonhouse A.W.* (1988). An Inquiry into the Philosophic Roots of Concepts of Economic Order // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE). Vol. 144. No. 2. Pp. 344–356.

^b *Siebert H.* (2008). The Concept of a World Economic Order // Kiel Institute for the World Economy. Working Paper. No. 1392.

^b *Градов А.П., Иванова Е.А., Гутман С.С.* (2003). Экономические порядки и институциональная среда национальной экономики // Экономическая наука современной России. № 1. С. 26–39.

^г *Ikenberry G., Myers J.* (2011). Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. https://cdn.carnegiecouncil.org/media/cceia/import/studio/The_Origins_Crisis_and_Transformation_of_the_American_World_Order.pdf?v=1670907776

^а *Johnston A. I.* (2019). China in a world of orders: Rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations. International Security. Vol. 44. No. 2. Pp. 9–60.

^e *Cerella A.* (2022). Political theology of international order // Contemp Polit Theory 21 (Suppl 2). Pp. 90–93. DOI: 10.1057/s41296-021-00474-0.

^ж *Mallin F., Sidaway J.D., Cheng H., Woon C.Yu.* (2025). Introduction: Explanation, critique and critics of goeconomics // Environment and Planning A: Economy and Space. Vol. 57. Is. 1. Pp. 93–98.

^з *Dlakavu A.* (2025). The Great Powers and the Survival of the Liberal International Order: Four scenarios, ITUTA Books, Cape Town.

^и *Дынкин А.А.* (2024). Трансформация мирового порядка: экономика, идеология и технологии // Полит. Политические исследования. №5. С. 9–10. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.02.

^к *Lake D.A.* The End of the Liberal International Order? Globalization, Deep Contestation, and the Future // The Chinese Journal of International Politics. Vol. 19. Issue 1. Spring 2026. Pp. 10–24. DOI: 10.1093/cjip/poaf016.

На официальном уровне необходимость перехода к *новому* мировому экономическому порядку (НМЭП) была признана в Декларации ООН от 1974 г., в которой подчеркивалась необходимость построения новой глобальной архитектуры на принципах «справедливости, суверенного равенства, взаимозависимости, общности интересов и сотрудничества всех государств, независимо от их социально-экономических систем»¹⁰. Параллельно с Декларацией была одобрена Программа действий, регламентирующая важнейшие шаги по установлению нового международного экономического порядка из 10 разделов по важнейшим проблемам развития мировой экономики — сырье, продовольствие, индустриализация, торговля, транспорт и страхование, валютная система и финансирование развивающихся стран, передача технологий, контроль за многонациональными корпорациями и другие¹¹. В дальнейшем в ООН было принято немало документов, посвященных вопросам мирового экономического порядка, из которых отметим декларацию «На пути к установлению нового международного экономического порядка» (20 декабря 2018 г.), за принятие которой проголосовали 133 страны, в то время как против — 48 стран (практически все западные государства, Сербия, Македония, Черногория, Грузия, Молдова, Украина) и 5 стран воздержались, что говорит о неоднозначном отношении к НМЭП и фактическом противостоянии двух крупных групп стран.

Можно также упомянуть и долгосрочные Программы ООН «Цели развития тысячелетия» (2000 г.) и «Меняя наш мир: Повестка дня устойчивого развития до 2030 года» (2015 г.), которые предполагали серьезные изменения НМЭП, но их реализация столкнулась с немалыми трудностями.

Существуют разные оценочные представления о времени появления условий для НМЭП и длительности эффективного существования мирового экономического порядка, когда возникает потребность его радикального изменения. Так, в монографии «Новый глобальный экономический порядок» развитие мирового

10. ООН (1974). Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Принята резолюцией 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 г.

11. ООН (1974). Программа действий по установлению нового международного экономического порядка. Принята 01.05.1974 г. резолюцией 3202 (S-VI).

экономического порядка рассматривается от послевоенной эпохи Второй мировой войны до наших дней¹².

Авторы фундаментальной монографии «Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России» считают его длительным процессом, становление которого происходит с начала XXI века. Важнейшим признаком этого становления являются глобальные подвижки в соотношении сил влияния в связи с падением роли одних центров силы и ростом других¹³.

А.Н. Спартак выделяет три этапа формирования НМЭП: после 2010 г.; 2020 г. – начало 2022 г. и с марта 2022 г.¹⁴

Интересную хронологию изменений «систем международных отношений», которым обычно соответствует и конкретный экономический миропорядок, предлагает А.А. Дынкин, который считает первой системой миропорядка Венскую, просуществовавшую 100 лет. Эволюция глобальной архитектуры прошла путь от Версальской системы, возникшей после Первой мировой войны и просуществовавшей 20 лет, до Ялтинско-Потсдамской, которая обеспечивала баланс сил в течение 45 лет, но позднее трансформировавшуюся сначала в биполярную модель, а затем в однополярную структуру с гегемонией стран Запада, и прежде всего США. События февраля 2022 г. ознаменовали окончательный демонтаж однополярного мира¹⁵.

При различиях вышеприведенных мнений можно выделить ряд их общих идей:

- мировой экономический порядок не может быть создан раз и навсегда, что предполагает перманентное уточнение целей и правил его построения;
- выстраивание НМЭП является сложным процессом, который требует продолжительного времени и не может быть единовременным актом;

12. The New Global Economic Order (2026). Edited by Lili Yan Ing and Dani Rodrik. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781003571384.

13. Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России. Монография / под общ. ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. СПб.: Алетея, 2024.

14. Спартак А.Н. (2022). Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. №7. С. 7–29. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29.

15. Дынкин А.А. (2024). Трансформация мирового порядка: экономика, идеология и технологии // Полис. Политические исследования. №5. С. 9–10. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.02.

- создание НМЭП непосредственно связано с появлением новых или реформой существующих главных институтов глобального управления;
- появление НМЭП невозможно в результате действий одного, даже очень могущественного государства, оно требует консенсуса влиятельных экономических акторов, который поддерживало бы большинство средних и малых государств;
- только достижение согласия по основополагающим правилам глобального сотрудничества, оформленного в виде юридически легитимных документов, позволит говорить об установлении НМЭП.

В то же время современное видение Д. Трампа НМЭП радикально отличается от преобладающих в научном дискурсе представлений о его принципах, правилах, нормах регулирования и институтах.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЕСПОРЯДКА

1. Персонализация международных отношений

Глубинная трансформация, которая происходит в мировой экономике, тесно переплетена с геополитическими процессами. Это особенно ярко проявилось в развитии ее новой регионализации, получившей в научной литературе название геополитической фрагментации, которая сопровождается беспрецедентным усилением персонализации международных экономических отношений, что означает возрастание влияния конкретных политических лидеров, прежде всего из ведущих экономических государств, не только на отдельные регионы или секторы, но и на системные тенденции развития мировой экономики. По существу, можно говорить о новой роли субъективных факторов в глобальном экономическом развитии, которые сильно зависят от индивидуальных характеристик отдельных физических лиц (политические убеждения, жизненный опыт, уровень интеллекта, образование, состояние здоровья, психотип и т.п.), а также от качества компетенций назначаемых ими доверенных лиц и советников. Персонализация и субъективизм несут множество рисков для мирового развития, качественно увеличивая его нестабильность и неопределенность.

О резком росте в 2025 г. непредсказуемости развития экономики и глобальной торговли свидетельствует Индекс неопределен-

ности глобальной экономической политики¹⁶, который достаточно точно показывает влияние событий в той или иной стране, или мире на стабильность и предсказуемость торговой политики (рис. 1).

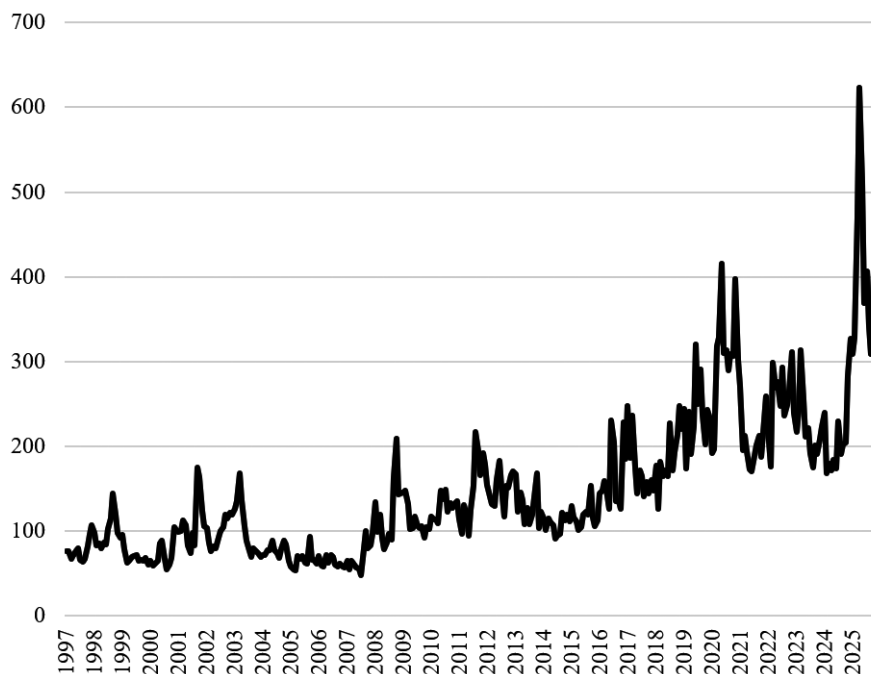

Рис. 1. Индекс неопределенности глобальной экономической политики (GEPU)

Источник: Economic Policy Uncertainty (2026). Global Economic Policy Uncertainty Index https://www.policyuncertainty.com/global_monthly.html

Согласно оценке экспертов МВФ в 2025 г. в категорию нестабильных и затронутых конфликтами стран (НЗК) вошло 38 экономик, в которых проживают 1 млрд человек. При этом усилилось

16. Индекс GEPU (Global Economic Policy Uncertainty Index), разработанный на основе методологии С. Бейкера, Н. Блума и С. Дэвиса (Baker, Bloom, Davis), представляет собой средневзвешенное по ВВП значение национальных индексов EPU для 18 стран: Австралии, Бразилии, Канады, Чили, Китая, Франции, Германии, Греции, Индии, Ирландии, Италии, Японии, России, Южной Кореи, Испании, Швеции, Великобритании и США. Каждый национальный индекс EPU отражает относительную частоту газетных статей в своей стране, содержащих три термина, относящихся к экономике (E), политике (P) и неопределенности (U). Другими словами, ежемесячное значение индекса EPU для каждой страны пропорционально доле газетных статей, в которых обсуждается неопределенность экономической политики в этой стране в этом месяце.

давление, связанное с нестабильностью, даже в более стабильных экономиках¹⁷.

Ярким проявлением персонализации международных отношений стал второй приход к власти в 2025 г. 47-го Президента США Дональда Трампа, который, запустив настоящую войну импортных тарифов, начал масштабное переформатирование глобального экономического пространства. Феномен Д. Трампа приобрел особое значение как для экономической теории, так и для реальной практики, и уже получил новое обозначение – Трампономика 2.0¹⁸.

Благодаря Д. Трампу во внешнеэкономической политике усилился ряд новых векторов, которые не так сильно просматривались в предыдущие десятилетия.

Во-первых, новая политика США имеет сильно выраженную политическую направленность, ограничивая суверенитет своих партнеров. Она стала механизмом экономического давления с целью получения огромных иностранных инвестиций и принятия обязательств по новым военным закупкам у США. Фактически дипломатия при Трампе стала «инструментом взыскания дани под видом сотрудничества»¹⁹. Выставляя заведомо запретительные торговые барьеры, Д. Трамп стремится добиться конкретных целей, идя на определенные уступки, если он достигает своих целей. Например, для инвестиций в США Япония выделила 550 млрд долл., Южная Корея – 350 млрд долл., Саудовская Аравия обещала капиталовложения до 1 трлн долл., малазийские инвестиции могут составить 70 млрд долл., а Швейцария, в обмен на снижение тарифов с 39 до 15% пообещала инвестировать в американскую экономику через частные компании в ближайшие годы 200 млрд долл. Катар собирается приобрести у США товары на сумму 243,5 млрд долл., включая 160 самолетов Boeing и двигатели компании GE Aerospace для Qatar Airways.

17. Miksjuk A. et al. (2026). Macroeconomic Challenges of Fragility and Policies for Stability and Growth. DOI: 10.5089/9798229031479.087.

18. The Economist (2025). Trumponomics 2.0 will erode the foundations of America's prosperity. <https://www.economist.com/leaders/2025/07/03/trumponomics-20-will-erode-the-foundations-of-americas-prosperity>

19. Chellaney B. Trump's tariffs exact 'tribute' more coercive than China's Belt and Road. 15 November 2025. <https://chellaney.net/2025/11/15/trumps-tariffs-exact-tribute-more-coercive-than-chinas-belt-and-road>

Во-вторых, особенностью внешней политики Д. Трампа является перенос бизнес-стратегий на межгосударственные переговоры. Например, торговая политика сопровождается постоянными корректировками, имеет много исключений из общих тарифов по отдельным товарам. Заявления о введении новых пошлин сопровождаются значительными и часто меняющимися паузами. Наиболее остро это проявилось в противостоянии США и Китая, когда Д. Трамп постоянно менял исходную переговорную позицию и даже заявлял о запретительных пошлинах в 145%.

В-третьих, перестало быть экстраординарным прямое использование или угроза применения военной силы для достижения политических и экономических целей. Это показывает пример Венесуэлы, когда захват и экстрадиция в США венесуэльского Президента Н. Мадуро позволил изменить географию экспорта нефти и облегчить доступ на рынок для американского бизнеса в экономических интересах США. Похожая, но значительно более сложная ситуация сложилась в связи с масштабной военной операцией США в Иране. Не случайно, что некоторые эксперты называют такую политику «дипломатией канонерок» или «возвращением канонерского капитализма»²⁰.

В-четвертых, взят курс на целенаправленный демонтаж традиционных многосторонних институтов. Иллюстрацией тренда на разрушение глобальных институтов служит демарш США в начале 2025 г., когда страна покинула ВОЗ, Парижское климатическое соглашение и СПЧ ООН. Логическим продолжением курса США на сворачивание международной дипломатии стал январский меморандум 2026 г., зафиксировавший прекращение членства США и ресурсной поддержки с их стороны 66 международных структур, в том числе 31 структуры системы ООН и 35 за ее пределами. С позиции Белого дома, деятельность данных институтов навязывает ультраклиматическую повестку, наднациональные механизмы контроля и чуждые идеологемы, ущемляющие суверенитет и подрывающие экономический потенциал Соединенных Штатов²¹.

20. The Economist (2026). America's gunboat capitalism will make the world poorer. 15 January.

21. White House (2026). Withdraws the United States from International Organizations that Are Contrary to the Interests of the United States. 7 January. <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2026/01/fact-sheet-president-donald-j-trump-withdraws-the-united-states-from-international-organizations-that-are-contrary-to-the-interests-of-the-united-states/>

В-пятых, важной характеристикой новой политики стала ее прагматичная коммерциализация с учетом личных интересов Д. Трампа, его семьи и друзей. Как отмечает Financial Times, на решения о поддержке со стороны Белого дома влияют «личные контакты, подарки и выгодные предложения»²². The Guardian также замечает, что деловые интересы семьи Трампа вызывают «вопросы, связанные с отменой обвинительных приговоров, передачей конфиденциальных технологий, смягчением пошлин и заключенными альянсами»²³. Это касается Вьетнама, Сербии, ОАЭ, Саудовской Аравии, Катара и ряда других государств. Любопытно, что состояние семьи Трампа выросло в 2025 г. примерно на 282 млн долл.²⁴

2. Идеология и теоретические обоснования Трампономики 2.0 — вызов прежнему либеральному порядку в мировой экономике

По нашему мнению, никаких серьезных теоретических обоснований для новой внешнеэкономической политики Д. Трампа нет. Эта политика носит популистский характер и рождена прежними и новыми политическими идеями Президента США, хотя ряд экспертов пытается объяснить ее связь с некоторыми известными теоретическими постулатами.

Например, многие авторы находят в политике Д. Трампа меркантилистские мотивы. Так, Д. Родрик считает, что одержимость Трампа двусторонним торговым балансом, восхваление импортных пошлин и подход «игры с нулевой суммой» в международной торговле возродили — вопреки учению Смита — худшие меркантилистские практики²⁵. Именно сторонники меркантилизма считали,

22. Financial Times (2025). Thein Washington. Trump back channel: how diplomacy works in Washington. 15 December. <https://www.ft.com/content/05bdc758-7d2e-46bc-bba8-f5858e9b3ad7>

23. Burgis T. (2025). All the president's millions: how the Trumps are turning the presidency into riches. 30 November. <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2025/nov/30/all-the-presidents-millions-how-the-trumps-are-turning-the-presidency-into-riches>

24. Bloomberg (2026). Trump Family's \$6,8 Billion is increasingly Teide to Crypto. 20 January. <https://www.bloomberg.com/news/features/2026-01-20/donald-trump-family-net-worth-increasingly-comes-from-crypto>

25. Rodrik D. (2025). Mercantilism Isn't All Bad, but Trump's Version Is the Worst. 7 May. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-mercantilism-worst-features-with-none-of-the-benefits-by-dani-rodrik-2025-05>

что выгода одной страны достигается исключительно за счет потерь другой. Хорошо известно, что А. Смит в своем знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов», опубликованном в 1776 г., жестко критиковал меркантилизм как нелепую систему заблуждений, исходящих из отождествления богатства с золотом и серебром и рассматривающих благоприятный торговый баланс как источник богатства и доходов страны. А. Смит выступал за международное разделение труда как важнейший источник роста его производительности и богатства наций, а также за свободную торговлю, позволяющую реализовать национальные преимущества отдельных стран²⁶.

Еще во время своего первого президентского срока Д. Трамп проявил себя как сторонник жесткого протекционизма и экономического национализма во внешней политике в сочетании с неолиберальным подходом во внутренней политике²⁷. Проводимая им протекционистская политика с лозунгом «Америка прежде всего!» привела к торговой войне и положила начало разрушению мировой экономики²⁸. Тогда же впервые появился термин «Трампономика»²⁹. Трампономика бросила вызов глобализации, усилила процессы фрагментации и регионализации мирового экономического пространства и стимулировала экономический национализм³⁰.

Одним из первых значимых шагов Д. Трампа по экономической деглобализации был выход в январе 2017 г. США из

-
26. *Смит А.* (1962). О принципах коммерческой, или меркантилистической, системы. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы. С. 314–329.
 27. *Bhattacharya A.* (2021). Economic Integration or Trumponomics: The Choice is a Big Question for Developing Economies. *Global Tariff War: Economic, Political and Social Implications*. Leeds: Emerald Publishing Limited. Pp. 271–279. DOI: 10.1108/978-1-80071-314-720211021; *Сунян В.* (2020). Экономическая модель Трампа: итоги и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*, 64(7). С. 34–42. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-34-42.
 28. *Evans O.* (2019). The effects of US-China trade war and Trumponomics. *Forum Scientiae Oeconomica*. Vol. 7. No. 1. Pp. 47–55.
 29. *Moor S., Laffer A.*, (2018). *Trumponomics: Inside the America First Plan to Revive Our Economy* Hardcover. All Points Books. October 30; *Sung-Hee Jwa* (2019). On Trumponomics as a challenge to the mainstream economics // *July*. DOI: 10.13140/RG.2.2.18277.35049/
 30. *Иванченко И.С.* (2021). Новый неомеркантизм как вызов для глобализированной экономики // *Вопросы экономики*. № 9. С. 132–148. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-9-132-148.

Транстихоокеанского партнерства, соглашение о котором готовилось более 5 лет и было подписано за год до выхода США из него (16 февраля 2016 г.). Оно предполагало обнуление около 18 тыс. импортных пошлин у 12 его участников. Последствием этого недальновидного решения Д. Трампа стало значительное ослабление влияния США в Азиатском регионе и соответствующее укрепление позиций Китая, который, наоборот, создал крупную альтернативную структуру из 15 государств — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

В первый срок Д. Трампа стали пересматриваться старые региональные торговые соглашения (НАФТА, которое было заменено USMCA) и отдан приоритет двусторонним торговым соглашениям, были введены импортные пошлины в 25% на сталь и 10% на алюминий.

Трампономика 1.0 привела к росту напряженности в международных торговых отношениях, особенно с Китаем, и к усилению неопределенности в мировой торговле³¹. Экономический национализм во внутренней экономической политике проявлялся в приоритетном развитии американских компаний, поощрении их возвращения и инвестирования в США (политика реиндустриализации и рещоринга), а также в ужесточении контроля за иностранными инвестициями в американскую экономику (самодостаточность и изоляционизм)³².

Результаты Трампономики 1.0 оказались неоднозначными. Некоторые макроэкономические показатели, такие как уровень безработицы и рост ВВП, демонстрировали позитивные тенденции, однако многие ключевые экономические цели, прежде всего промышленной политики по модернизации экономик, не были достигнуты в полном объеме³³.

-
31. Толкачев С.А., Анисимова А.И. (2025). Трампономика 2.0 как политическая экономия национального развития в эпоху глобальной трансформации // Российский экономический журнал. № 3. С. 30–51.
 32. Лебедева Л.Ф. (2020). Социальные ориентиры администрации Д. Трампа и их восприятие в американском обществе // США & Канада: экономика, политика, культура. №6ю С. 5–19. DOI: 10.31857/s268667300009767–3.
 33. Толкачев С.А. (2024). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США // Мировая экономика и мировые финансы. №3(4). С. 5–13.

Центральным элементом экономической повестки Д. Трампа в его второй президентский срок – Трампономики 2.0 – является широкое и целенаправленное использование импортных тарифов, которые, по мнению Д. Трампа, позволят достичь США конкретных экономических и неэкономических целей.

В ряде исследований экономических последствий для США деятельности Д. Трампа отмечается, что импортные тарифы еще в 2018–2019 гг. не оказали существенного влияния на занятость в соответствующих секторах, в то время как ответные тарифы оказали существенное негативное воздействие, особенно в сельском хозяйстве³⁴. П. Файгельбаум и соавторы обнаружили, что мировые цены на продукты, на которые были нацелены тарифы 2018–2019 гг., не упали, а тарифы США и ответные меры торговых партнеров значительно сократили как импорт, так и экспорт США³⁵. Э. Йорк показывает, что тарифы, введенные администрацией первого срока Д. Трампа и поддержанные администрацией Джо Байдена, снизили долгосрочный ВВП США на 0,2%³⁶.

Данные экономические результаты не переубедили главного идеолога Трампономики 2.0 П. Наварро, который настаивал на повышении импортных тарифов и получении за этот счет дополнительных доходов для снижения подоходного налога, а также для финансирования других расходов американского бюджета.

Питер Наварро, который присоединился к команде Д. Трампа еще в 2016 г., в 2017 г. стал его официальным советником по вопросам международной торговли и производства. Под руководством П. Наварро Межведомственная целевая группа в 2017 г. подготовила Отчет об оценке и укреплении производственной и оборонно-промышленной базы и устойчивости цепочек поставок Соединенных Штатов, в котором обосновывалась необходимость стратегических и оперативных действий по разработке новой промышленной

-
34. Autor D., Beck A., Dorn D., Hanson G.H. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States // NBER Working Paper 32082. <https://www.nber.org/papers/w32082>
 35. Fajgelbaum P.D., Goldberg P.K., Kennedy P.J., Khandelwa A.K. (2020). The return to protectionism // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 135. No. 1. Pp. 1–55. DOI: 10.1093/qje/qjz036.
 36. York E., Durante A. (2025). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War // Tax Foundation. <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/>

и торговой политики с целью реиндустриализации экономики США, возвращения производственных мощностей и снижения опасной зависимости от импорта³⁷.

Несмотря на то что основные протекционистские рекомендации П. Наварро относительно торговой политики в период первого срока Д. Трампа дали провальный результат, вызвав рост торгового дефицита и сокращение рабочих мест, в 2025 г. П. Наварро, снова получив официальную должность советника по торговле и производству, стал ключевой фигурой в продвижении тарифной политики Д. Трампа.

Как ярый противник ВТО и свободной торговли³⁸, П. Наварро выдвинул основополагающий тезис «Рикардо мертв», так как его теория не работает в реальном мире сегодня, где доминируют промышленный шпионаж, повальное мошенничество, кража интеллектуальной собственности, принудительная передача технологий, государственный капитализм и валютные перекосы³⁹.

Конечно, теория Давида Рикардо (1772–1823 гг.), умышленно предлагавшая упрощенную модель международного двустороннего обмена товарами — сукно на вино, не учитывала и не могла предположить современные реалии: глобализацию и геополитическую фрагментацию, структурные сдвиги в экономике и технологическую революцию, многосторонность торговли, игнорировала роль многих других факторов производства (капитала, труда, инноваций) и т.п. И было бы крайне некорректно предъявлять ей сейчас такие претензии, особенно опираясь на архаичные постулаты меркантилизма XV–XVII вв. В то же время очевидно, что теоретическое наследие Рикардо, основанное на последовательной и четкой экономической логике, которая доказывала, что от торговли получают выгоду все партнеры, независимо от экономического веса одного из них, стало базовым фактором для всех последующих фундаментальных работ

37. The American Presidency Project (2017). Executive Order 13806—Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13806-assessing-and-strengthening-the-manufacturing-and-defense-industrial>

38. Ушкалова Д.И. (2025). Тарифная политика Д. Трампа и внешняя торговля России // Вестник института экономики РАН. № 6. С. 109–126. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_109_126/

39. Gehrman E. (2019). A ringing defense of Trump on trade. <https://news.harvard.edu/gazette/story/2019/04/at-harvard-peter-navarro-defends-trump-on-trade/>

по мировой торговле. Это касается появившихся за последние 200 лет теорий и концепций мировой торговли (Хекшера—Олина, Столпера—Самуэльсона, Портера, Мелица—Антраса и др.), которые стремились учесть многие новые аспекты, дополняя научные представления о постоянно развивающейся мировой экономике.

Идеи же П. Наварро, заложенные в экономическую политику Д. Трампа и основанные на повышении импортных тарифов и получении за этот счет дополнительных доходов для снижения подоходного налога и оплаты других расходов бюджета, которые можно условно назвать «трамповским неомеркантилизмом», выпадают из общей логики международного разделения труда.

Воззрения П. Наварро во многом обусловлены его позицией в отношении Китая, который, по его мнению, является главной угрозой национальной безопасности США. Еще в вышедшей в 2011 г. своей книге «Смерть от Китая. Противостояние дракону — всемирный призыв к действию», написанной в соавторстве с Г. Отри, П. Наварро сделал вывод о том, что Китай нарушает справедливую торговлю путем незаконных экспортных субсидий и валютных манипуляций, фактически наводняя рынки США и делая конкуренцию для американских компаний практически невозможной⁴⁰. Такая позиция, соответствующая представлениям Д. Трампа, предопределила заикленность П. Наварро на дефиците торгового баланса США⁴¹.

Эти идеи вызвали критику со стороны многих известных экономистов, в том числе Дж. Стиглица, П. Кругмана, Дж. Сакса, Ч. Боуна, М. Обстфельда, Н. Рубини и др. Так, по мнению К. Хендрикса, «администрация Трампа рассматривает пошлины как инструмент для получения государственных доходов, стимулирования возвращения производства и балансировки двусторонней торговли. Однако применение исключительно высоких пошлин ко многим странам, производящим продукцию, не имеющую конкурентов в американской экономике, в том числе по климатическим и природным условиям, лишь увеличит расходы американских потребителей. Более того,

40. Navarro P., Greg Autry G. (2011). *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action* // Pearson FT Press.

41. Lemieux P. (2018). Peter Navarro's Conversion. CATO Institute. 2018. <https://www.cato.org/regulation/fall-2018/peter-navarros-conversion>

они, вероятно, приведут к сокращению рынков для американского экспорта»⁴².

Как считает К. Клаузинг, экономическая политика Д. Трампа нанесла ущерб глобальной конкурентоспособности американских компаний, поскольку она повышает издержки для американских производителей, ослабляет экспорт, ограничивает доступ американских фирм на зарубежные рынки и создает неравные условия игры между фирмами, которые получают льготы по тарифам, и теми, которые этого не имеют⁴³.

Такая политика ведет к торговым войнам, замедлению глобальной экономической интеграции, а отход от глобализации ослабит лидирующую позицию США в международном экономическом порядке⁴⁴.

Например, нельзя игнорировать тот факт, что средняя зарплата производственного рабочего в Америке более чем в два раза выше, чем в Китае, и почти в шесть раз выше, чем во Вьетнаме (рис. 2). Без улучшения распределения капитала и рабочей силы в пользу более производительных предприятий нельзя обеспечить ускорения экономического роста⁴⁵.

Повышение импортных тарифов снижает спрос на иностранные товары, сокращая налоговую базу. Оно также снижает поступления от подоходного налога и налога на заработную плату. С учетом ответных мер и уклонения от уплаты налогов ожидаемые поступления США сократятся еще больше. Так, в 2025 финансовом году таможенные пошлины принесли федеральному правительству 264 млрд долл., включая как новые, так и уже существующие тарифы. Однако общий доход от тарифов будет меньше, чем прямые поступления, поскольку тарифы механически уменьшают налоговую базу

42. Hendrix C.S. (2025). Trump's April 2 tariff spree could cripple developing economies // PIIE. <https://www.piiie.com/blogs/realtime-economics/2025/trumps-april-2-tariff-spreed-could-cripple-developing-economies>

43. Clausing K. (2025). Promoting Global Competitiveness for American Businesses and Workers // PIIE. December 3, 2025. <https://www.piiie.com/commentary/testimonies/2025/promoting-global-competitiveness-american-businesses-and-workers>

44. Losev A. (2025). Economic nationalism and the decline of multilateralism: An analytical review of U.S. trade policy under Trump 2.0 // Moscow Journal of Global Affairs. Vol. 19. No. 1. Pp. 44–61.

45. PIIE (2025). The New Economic Nationalism. <https://www.piiie.com/events/2025/book-launch-new-economic-nationalism>

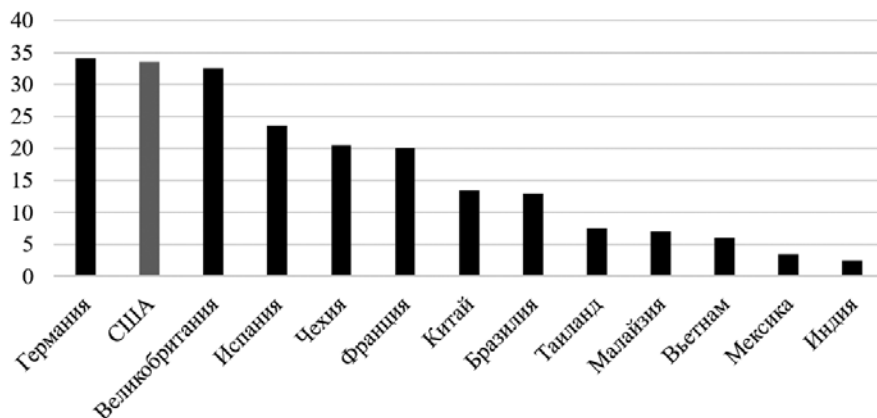

Рис. 2. Средняя заработная плата производственных рабочих/операторов станков по странам, 2022 г.

Источник: составлено по данным Reshoring Institute. Reshoring Institute (2024). Global Labor Rate Comparisons. <https://reshoringinstitute.org/wp-content/uploads/2023/12/GlobalLaborRateComparisons-V2.pdf>

для подоходного и некоторых других налогов. Поэтому в 2025 г. правительство получило от новых тарифов 132 млрд долл.⁴⁶ В то время как первоначальные оценки П. Наварро составляли около 600 млрд в год⁴⁷. При этом основным источником новых доходов фактически стали не иностранные государства, как это предусматривала новая торговая политика, а американские граждане. Согласно исследованию Кильского института международной экономики, которое анализирует около 25 млн торговых сделок США за 2024–2025 гг. объемом примерно 4 трлн долл, новые тарифы Д. Трампа функционируют не как налог на иностранных производителей, а как потребительский налог на американцев: только около 4% тарифной нагрузки лежит на иностранных компаниях, а 96% — на американских покупателях и импортерах⁴⁸.

В 2025 г., несмотря на введение заградительных импортных тарифов, не произошло и снижения торгового дефицита США,

46. York E., Durante A. (2025). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war/>

47. The Economist (2025). Trumponomics 2.0 will erode the foundations of America's prosperity. <https://www.economist.com/leaders/2025/07/03/trumponomics-20-will-erode-the-foundations-of-americas-prosperity>

48. Hinz J. et al. (2026). America's Own Goal: Who Pays the Tariffs? Kiel Policy Brief No. 201. P. 12.

который возрос на 2,1% по сравнению с 2024 г. и составил рекордные 1,24 трлн долл. Этот прирост был достигнут за счет прироста в 2025 г. импорта товаров (на 143,2 млрд долл. до 3438 млрд долл.), в то время как экспорт, уменьшающий дефицит, вырос только на 117,7 млрд долл. (до 2197,5 млрд долл.)⁴⁹.

Наконец 20 февраля 2026 г. Верховный суд США признал не соответствующим американскому законодательству использование значительной части чрезвычайных импортных пошлин и отменил их. В ответ на это Д. Трамп ввел глобальные пошлины сначала в 10%, а уже на следующий день в 15% для всех государств. Вводимые тарифные ограничения носят временный характер и ограничены сроком до 150 дней, если ранее не последует их ратификация Конгрессом США. При этом указанные корректировки не затрагивают базовых ставок импортных пошлин, а также секторальных пошлин — на сталь, алюминий и полупроводники. Решение Верховного суда США дало основание требовать от США возмещение убытков, которые понесли компании-импортеры. На начало марта 2026 г. было зарегистрировано более 2 тыс. таких исков, суммарный материальный ущерб по которым оценивается свыше 130 млрд долл.⁵⁰

Вместе с тем, во многом как реакция на деструктивные процессы в сфере международной торговли, на государственном уровне была сформулирована новая доктрина, обосновывающая внешнеэкономический курс Д. Трампа. Согласно тексту упомянутой Стратегии экономической безопасности США, Д. Трамп опирается на так называемый гибкий прагматизм — подход, который помогает смотреть на вещи без иллюзий и оценивать мировую ситуацию максимально реалистично⁵¹.

Как известно, теория рационализма восходит к античной философии Сократа. В современных международных отношениях теория рационализма отражает первенство власти, национальных

49. BEA (2026). U.S. International Trade in Goods and Services, December and Annual 2025. <https://www.bea.gov/news/2026/us-international-trade-goods-and-services-december-and-annual-2025#>

50. Интерфакс (2026). Суд обязал администрацию Трампа начать возврат аннулированных пошлин более чем на \$130 млрд, 5 марта. <https://www.interfax.ru/world/1076258>

51. Department War (2026). National Defense Strategy. 23 January, P. 3.

интересов и безопасности в формировании поведения государств⁵². Это согласуется с идеологией MAGA и политикой Д. Трампа «Америка прежде всего».

В экономике рационализм основан на принципе рационального поведения, когда экономические акторы принимают решения, опираясь на логику и целенаправленное использование ресурсов для достижения максимальной выгоды. В то же время теория экономического рационализма имеет много уязвимостей. Среди них — предположения о рациональном характере поведения экономических агентов, которое часто нельзя реализовать на практике, что ведет к ошибочности долгосрочных прогнозов, отказу от моральных соображений в коммерческой деятельности, критике свободной торговли. Некоторые из этих уязвимостей уже проявились в практических результатах Трампономики 2.0.

Наконец, возникает и такой дискуссионный вопрос, насколько экономический рационализм идеологически приемлем и электро- рально привлекателен для супердержавы и глобального лидера, на которого вне его воли ложится историческая ответственность не только за свою национальную безопасность, но и за мирное существование всего человечества.

Следует также отметить, что во многих научных исследованиях подобная стратегия называется менее благозвучно — экономический национализм, который состоит из практик создания, укрепления и защиты национальных экономик в контексте мировых рынков⁵³.

52. *Jasmin I.A., Hosen I. (2025). Trump 2.0: redefining America's role in the global order // Discov glob soc 3, 140. 31 October. DOI 10.1007/s44282-025-00281-7.*

53. *Pryke S. (2012), Economic Nationalism: Theory, History and Prospects. Global Policy. 3: 281-291. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2011.00146.x; Crebo-Rediker H.E. (2026). The Broken Economic Order. 15 May. <https://www.cfr.org/articles/the-broken-economic-order>*

ПОСЛЕДСТВИЯ НОВОЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Д. ТРАМПА ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Одним из наиболее деструктивных проявлений жесткого экономического курса Д. Трампа выступает стагнация глобальной хозяйственной динамики. Согласно среднесрочным расчетам МВФ, на горизонте 2026–2030 гг. ожидается падение темпов прироста мирового ВВП до рекордно низких показателей. Ситуация усугубляется рисками мирового энергетического кризиса, спровоцированного эскалацией вокруг Ирана, что способно придать дополнительный импульс торможению глобального развития.

Новая торговая политика США существенно повлияла на развитие системных процессов в мировой экономике — глобализации и фрагментации, стимулируя национальный изоляционизм, трансформируя цепочки поставок, перенаправляя торговые потоки и формируя новые торговые блоки без участия самих США. Президент Института международной экономики Петерсона Адам Поузен прогнозирует, что в результате такой политики США будет все больше изолироваться в торговле и технологиях и все меньше сможет влиять на решения других стран в области инвестиций и безопасности, а американские цепочки поставок станут менее надежными, более дорогими, менее диверсифицированными и подверженными большому риску со стороны специфических для США потрясений⁵⁴.

54. Posen A. (2025). The New Economic Geography. Who Profits in a Post-American World? <https://www.foreignaffairs.com/united-states/new-economic-geography-posen#>

Не менее важно и то, что такая политика ведет к сокращению привлекательности инвестиций в американские активы, прежде всего в казначейские облигации, ослабляя роль доллара в международных финансах и сильно подрывая авторитет США в мире.

1. Стимулирование национального экономического изоляционизма и протекционизма

Тенденция к росту национального протекционизма приобрела отчетливый характер вскоре после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и существенно усилилась во время пандемии COVID-19 и лавины западных санкций после 2022 г. Однако новая торговая политика США вывела этот тренд на качественно иной уровень и заставила многие государства усилить внимание к своей экономической безопасности путем уменьшения зависимости своего развития от внешних факторов.

Об этом свидетельствует динамика ограничительных мер в международной торговле по сравнению с числом мер, облегчающих ее (рис. 3). При этом из-за тарифов Д. Трампа и ответным мерам других стран максимум ограничений пришелся на 2025 г. – 508, а уже за 2 месяца 2026 г. число ограничений достигло 445.

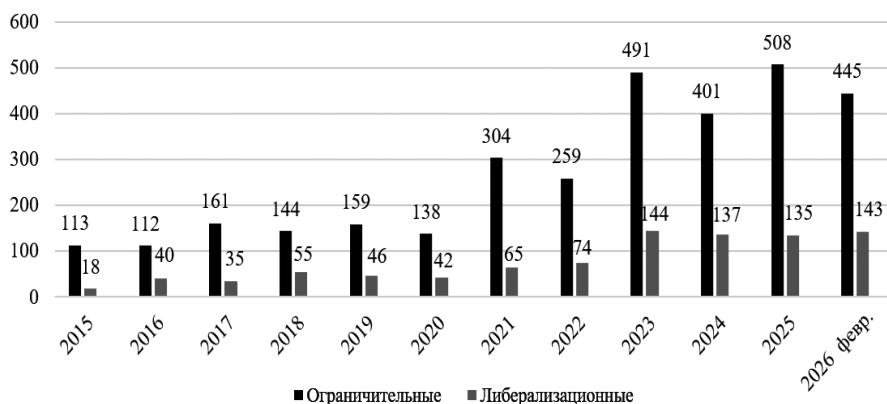

Рис. 3. Динамика ограничительных и либеральных мер в регулировании мировой торговли в 2015–2026 гг.

Источник: составлено по базе данных Global Trade Alert. <https://globaltradealert.org> (accessed 15 February 2026).

Курс на протекционизм и самодостаточность во многих странах, безусловно, реализуется не только путем принятия контрмер в ответ на новую торговую политику США от новой торговой политики США, но благодаря пересмотру собственных экономических стратегий развития. Так, промышленная политика Китая в значительной мере опирается на наращивание производственных мощностей за счет субсидий для высокотехнологичной продукции, одновременно ограничивая иностранную конкуренцию. Страны ЕС-27 традиционно используют протекционистские механизмы, направленные на ограничение импорта низкотехнологичной продукции, одновременно ограничивая собственный экспорт более технологически продвинутой продукции⁵⁵.

В свою очередь, КНР демонстрирует пример реализации курса на достижение экономической и технологической автономности. Данный вектор институционально закреплён в концепции «Двойной циркуляции» и нормативных установках XIV Пятилетнего плана развития (2021–2025 гг.). В условиях экономического противостояния с США, резко обострившегося при втором пришествии Д. Трампа, разрабатывается новая долгосрочная программа для достижения «великого возрождения» и превращения Китая в крупную производственную державу к 2049 г.⁵⁶ Принятый в марте 2026 г. новый пятилетний план на 2026–2030 гг. ввиду роста угрозы технологической изоляции предусматривает серьёзное снижение зависимости от западных технологий и усиление национальной обороноспособности. Центральным элементом плана — программа ИИ+, охватывающая все сферы — от науки и производства до здравоохранения и госуправления. Другими приоритетами станут квантовые технологии, ядерный синтез, а также технологии «мозг — компьютер», говорящие о непосредственном переходе КНР к освоению технологий пятой промышленной революции.

Курс на самодостаточность выбрала и Индия, ставшая мировым лидером по темпам экономического роста среди крупных

55. *Martin F.* (2024). Decoding Industrial Policy Complexity: How Income Levels and Geopolitical Blocs Shape Economic Strategies. 2 August. [wti.org/media/filer_public/f8/f8ff75f0-17b3-...](https://www.wti.org/media/filer_public/f8/f8ff75f0-17b3-...)

56. *Bloomberg* (2025). Xi Mulls New Made-in-China Plan Despite US Call to Rebalance. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-05-26/xi-plans-new-made-in-china-effort-even-as-trump-aims-to-boost-us-manufacturing>

держав за последнее 25 лет. В Индии, как и в Китае, принята долгосрочная программа до 2047 г. (100-летие ее независимости) *Viksit Bharat 2047*, в которой отражено стремление Индии стать развитой экономической державой с размером ВВП в 30–40 трлн долл. путем стимулирования национальной промышленности и снижения импортной зависимости, внедрения инноваций, развития цифровизации, укрепления национальной оборонной промышленности для устойчивого, инклюзивного роста⁵⁷.

Сами США также усиливают протекционистский вектор своей промышленной политики, что выражается в политике рещоринга национального бизнеса. Этот тренд хорошо иллюстрирует американские МНК, которые увеличили долю своих вложений на американской территории с 44% в 2016 г. до 69% в 2025 г.⁵⁸

Но и у компаний из других стран, экспортирующих свою продукцию в США, в связи с введением повышенных импортных пошлин возникли намерения расширить инвестиции в эту страну. Поэтому протекционистская политика Д. Трампа отличается от жесткой «политики опоры на собственные силы», которая в силу ряда объективных и субъективных причин проводилась в период индустриализации в СССР в 1930-е годы, индустриализации стран народной демократии в Восточной Европе и стран Латинской Америки в 1950-е и 1960-е годы, а также от экономической политики подсанкционного Ирана в 1979–2006-е годы⁵⁹. В этом плане высокие тарифы Д. Трампа было бы неправильно однозначно оценивать только как барьер для экономической глобализации, потому что они способствовали и расширению международных связей США в области инвестиций.

10 марта 2026 г. Белый дом опубликовал специальный список компаний, которые заявили о намерениях осуществить инвестиции в США в первый год второго срока Д. Трампа. Там приводятся

57. *Vishwakarma E. et al* (2025). Economic development and self-reliant India: An empirical study // *Journal of Nehru Gram Bharati University*, 2025. Vol. 14 (I). Pp. 90–100.

58. *The Economist* (2026). America's gunboat capitalism will make the world poorer. <https://www.economist.com/leaders/2026/01/15/americas-gunboat-capitalism-will-make-the-world-poorer>

59. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2025). Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 18. № 2. С. 6–23. DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01.

данные о 95 компаниях и отмечается, что этот список неполный. Основная масса инвестиций направляется в обрабатывающую промышленность, технологичные производства и развитие искусственного интеллекта (ИИ). Среди компаний с преобладанием американского капитала и инвестициями свыше 100 млрд долл. в течение ближайших 5 лет можно отметить Apple с инвестициями в 600 млрд долл. в производство и обучение рабочей силы; Meta с инвестициями в 600 млрд долл. для поддержки технологий и инфраструктуры; NVIDIA, которая инвестирует 500 млрд долл. в инфраструктуру ИИ и будет впервые полностью производить суперкомпьютеры на базе ИИ; AT&T с инвестициями в 250 млрд долл. для строительства беспроводной сети и инфраструктуры передачи данных по всей стране; Micron Technology, единственный американский производитель передовых чипов памяти, с инвестициями в 200 млрд долл. в производство передовых чипов памяти в США; IBM с инвестициями в 150 млрд долл. в свои производственные операции в США.

Среди компаний с преобладанием капитала других стран выделяются Project Stargate, возглавляемый японской Softbank, а также американскими компаниями OpenAI и Oracle, с инвестициями в 500 млрд долл. в инфраструктуру ИИ; TSMC с инвестициями в 100 млрд долл. в производство чипов в США; AstraZeneca (Британия—Швеция) с инвестициями в 50 млрд долл. в производство и исследования лекарств; Roche (Швейцария) с инвестициями в 50 млрд долл. в американское производство и научно-исследовательское предприятие и многие другие фирмы⁶⁰.

В 2025 г., по данным ОЭСР, США сохранили свое место самого крупного получателя ПИИ с 288 млрд долл., или 17,3% от мирового итога, значительно опередив Китай (80 млрд долл.) и Бразилию (77 млрд долл.). При этом США в 2025 г. были мировым лидером по ПИИ — 310 млрд долл., что намного больше, чем у идущих за ними Японии (186 млрд долл.) и Китая (157 млрд долл.)⁶¹.

60. The White House (2026). Running List of New U.S. Investment in President Trump's Second Term. 10 March. https://www.whitehouse.gov/articles/2026/03/trump-effect-a-running-list-of-new-u-s-investment-in-president-trumps-second-term/TRUMP_EFFECT:A

61. OECD (2026). FDI in Figures. 26 April. 13 p. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2026/04/fdi-in-figures-april-2026_3eb27477/b3e12b44-en.pdf

2. Перестройка производственных цепочек и логистических маршрутов

Новые тарифы Д. Трампа затрагивают 71% импорта товаров в США на сумму примерно 2,3 трлн долл.⁶² Введение высоких пошлин означает серьезные потери на уровне компаний, повышая их затраты на импортируемые материалы и снижая рентабельность производства и экспорта в США, что ведет к перенаправлению торговых потоков и нарушению цепочек поставок⁶³.

Огромная неопределенность в отношении тарифной политики Д. Трампа заставляет компании во многих странах мира реагировать и вносить существенные изменения в свои стратегии. Так, удорожание импортных компонентов или сырья побуждает компании искать альтернативных поставщиков или корректировать свои производственные процессы.

По данным опроса Reuters, более 369 компаний по всему миру зафиксировали снижение прибыли в размере более 34 млрд долл. к середине 2025 г.⁶⁴ Ряд фирм принял решение перевести свое производство из Китая, который подвергся самому сильному давлению Трампа, в другие страны — Вьетнам, Индию, Таиланд, Индонезию. Для диверсификации рисков и снижения издержек также стала использоваться бизнес-стратегия China+1, которая предполагает продолжение производства в Китае при одновременном расширении аналогичного производства в другой стране с меньшими пошлинами.

Многие партнеры и союзники США не согласны с новой тарифной политикой Д. Трампа, в результате чего начинается постепенная перестройка системы глобальных торговых отношений. Р. Болдуин выделяет три механизма, лежащих в основе такой трансформации: эффект домино, каскадный протекционизм и многосторонний регионализм⁶⁵.

62. York E., Durante A. (2025). Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War. *Tax Foundation*. <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-trade-war>

63. Bogage J., Lynch D.J. (2025). Trump's tariffs take effect, potentially upending global trade and prices. <https://www.washingtonpost.com/business/2025/08/07/trump-tariffs-global-trade/>

64. Reuters (2025). How companies are responding to Trump's tariffs. 21 July. <https://www.reuters.com/graphics/USA-TRUMP/TARIFF-COMPANIES/movadjkmnpa/>

65. Baldwin R. (2025). The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on. *Centre for Economic Policy Research*. P. 114.

Эффект домино. Компании, которые экспортировали свои товары в США до 2 апреля 2025 г., после объявления о пошлинах Д. Трампа, стали заинтересованы в продаже своих товаров на других рынках. Вход на новые рынки и/или увеличение торгового оборота с другими странами требуют более низких таможенных пошлин, чему могло бы способствовать заключение соглашения о свободной торговле. Эти экспортеры лоббируют заключение соглашения о свободной торговле в своих национальных правительствах. Чем больше была прежняя зависимость от рынка США, тем больше компаний будут готовы лоббировать заключение соглашения о свободной торговле с другими странами, чтобы получить доступ на альтернативные рынки.

Механизм «каскадного протекционизма» оказывает противоположное воздействие. В то время как эффект домино снижает таможенные пошлины, каскадный протекционизм толкает их вверх, поэтому тарифная политика Трампа может вызвать введение более высоких пошлин в других странах. Этот механизм, как и эффект домино, обусловлен отклонениями торговли, но влияет не на экспортеров, а на импортеров. Поэтому введение протекционистских мер в одной стране или на одном рынке запускает лавину ответных мер, которые приводят к повышению пошлин по всему миру.

Многосторонний регионализм проявляется в объединении и расширении существующих торговых соглашений, часто между соперничающими торговыми блоками, что ведет к возникновению более крупных и интегрированных торговых зон. Во многих случаях это происходит под давлением экспортеров, стремящихся получить доступ на новые рынки.

К выделенным Р. Болдуином механизмам изменения мировой торговли под влиянием новых американских тарифов может быть добавлен и механизм *обхода санкций и сокрытия страны происхождения товара, который стал активно использоваться* под влиянием высоких пошлин Д. Трампа (табл. 2).

Соккрытие страны происхождения, а также использование теневых схем доставки и проведения платежей ведут к тому, что часть торговли формируется за счет непрозрачных схем, возрастает реэкспорт и востребованность стран-коннекторов, реализующих преимущества торгового арбитража, удлиняются логистические

Таблица 2. Механизмы трансформации мировой торговли под влиянием импортных тарифов

Механизм	Влияние на мировую торговлю		Результат
Эффект домино	Снижает тарифы	В целях доступа на новые рынки, экспортеры, которым ограничен доступ к рынкам США, лоббируют новые соглашения о свободной торговле с другими странами	Больше соглашений о свободной торговле между странами
Каскадный протекционизм	Повышает тарифы, стимулирует рост протекционизма	Переключение экспорта на третьи рынки приводит к наводнению их перенаправленными товарами. Отечественные компании в этих странах лоббируют ответные меры защиты	Волна повышения тарифов и мер протекционизма распространяется по всему миру
Многосторонний регионализм	Объединяет и расширяет существующие торговые блоки	Под давлением экспортеров, стремящихся получить доступ на новые рынки, отдельные региональные торговые соглашения объединяются в более широкие торговые зоны	Возникновение более крупных и интегрированных торговых зон
Обход санкций и сокрытие страны происхождения товара	Удлиняет цепочки поставок, появляются страны-коннекторы, растет реэкспорт	Сокрытие страны происхождения, использование теневых схем доставки и проведения платежей	Рост теневой экономики и введение вторичных санкций

Источник: дополнено и доработано авторами по (Baldwin R. (2025). The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on. Centre for Economic Policy Research)).

цепочки и сроки поставок товаров. Данный механизм обостряет геополитическую ситуацию и ведет к дальнейшей фрагментации мировой экономики.

3. Перенаправление глобальных торговых потоков

По данным UNCTAD, почти две трети мировой торговли происходит внутри глобальных цепочек создания стоимости, а следовательно, любые изменения их конфигурации автоматически перерисовывают карту торговых потоков, инвестиционных направлений и конкурентных преимуществ (рис. 4).

В 2025 г. наибольшие изменения произошли в результате сокращения китайского экспорта в США и переориентации торговли Китая в другие страны. Поставки КНР в США сократились на 29,7%, или на 130,4 млрд долл. — до 308,4 млрд долл. В то время как весь китайский экспорт увеличился за 2025 г. на 5,5% до 3,77 трлн долл., в том числе в Африку — на 26,5%, в страны АСЕАН — на 14%, в страны Латинской Америки — на 5,9%. При этом в 2025 г. по срав-

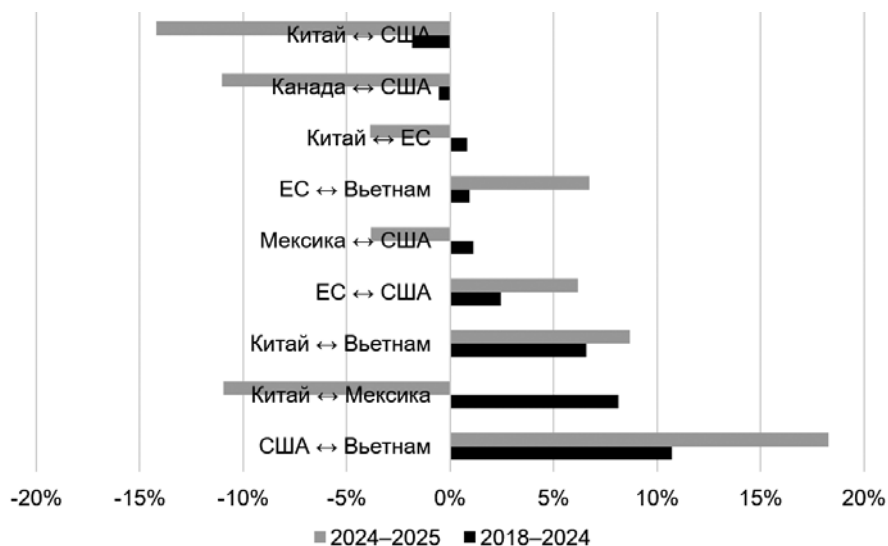

Рис. 4. Годовые темпы роста отдельных двусторонних торговых потоков относительно среднемирового темпа роста торговли

Источник: составлено авторами на основе данных UNCTAD. Global Trade Update (January): Top trends redefining global trade in 2026. <https://unctad.org/publication/global-trade-update-january-2026-top-trends-redefining-global-trade-2026> (accessed 15 February 2026).

нению с 2024 г. значительно (на 25,7%) сократился и экспорт США в Китай – с 143,2 млрд долл. до 106,3 млрд долл.⁶⁶

Резкое увеличение в период 2024–2025 гг. по сравнению со среднемировым темпом роста торговли произошло в паре США–Вьетнам (на 18%), ЕС – Вьетнам (на 7%) при резком сокращении относительных темпов роста двусторонних потоков Китай – Мексика (на 11%), Канада – США (на 11%), что обусловлено не заменой одного торгового партнера на другого, а перестройкой производственных цепочек, когда часть операций и промежуточных стадий переносится в новые точки сборки и обработки, чтобы снизить геополитический и логистический риски при сохранении доступа к конечному спросу.

66. BEA (2026). U.S. International Trade in Goods and Services, December and Annual 2025. <https://www.bea.gov/news/2026/us-international-trade-goods-and-services-december-and-annual-2025#>: Кулагин В., Лакстыгал И. (2026). Китай закончил год торговых войн с Вашингтоном рекордным профицитом в \$1,2 трлн. Ведомости. 15 января.

В связи с таким изменением географии торговли еще одной проблемой для многих экспортеров становится противодействие им национальных компаний принимающих стран. При этом величина отклонения торговли, как показывают расчеты Института международной экономики Петерсона, будет зависеть от множества факторов, в том числе размера введенных пошлин, наличия или отсутствия ответной реакции стран, в отношении каких товаров будут введены пошлины и т.д. (табл. 3).

Таблица 3. Прирост импорта из Китая в результате перенаправления китайских товаров с рынков США в другие страны, в % от ВВП импортирующей страны/ группы стран

Страны	Производство товаров длительного пользования		Производство товаров недлительного пользования	
	высокие пошлины	низкие пошлины	высокие пошлины	низкие пошлины
Австралия	0,40	0,18	0,15	0,07
Бразилия	0,23	0,10	0,08	0,03
Канада	0,50	0,17	0,15	0,06
Франция	0,36	0,16	0,13	0,06
Германия	0,52	0,22	0,17	0,08
Индия	0,21	0,10	0,06	0,03
Индонезия	0,24	0,13	0,10	0,05
Италия	0,30	0,13	0,13	0,06
Япония	0,29	0,09	0,18	0,07
Мексика	0,81	0,31	0,09	0,04
Россия	0,47	0,22	0,18	0,08
Саудовская Аравия	0,20	0,11	0,05	0,03
ЮАР	0,31	0,16	0,16	0,08
Ю. Корея	0,36	0,13	0,11	0,05
Турция	0,71	0,32	0,27	0,13
Великобритания	0,39	0,17	0,16	0,07
США	–1,83	–0,9	–0,52	–0,19
Остальные страны Азии	1,28	0,72	0,32	0,18
Остальные страны еврозоны	0,29	0,13	0,10	0,05
Другие развитые экономики	0,21	0,10	0,10	0,05
Другие страны – экспортеры нефти	0,12	0,11	0,04	0,04
Остальной мир	0,27	0,13	0,11	0,05

Окончание табл. 3

Страны	Производство товаров длительного пользования		Производство товаров недлительного пользования	
	высокие пошлины	низкие пошлины	высокие пошлины	низкие пошлины
Сценарий высоких пошлин	25% пошлины на сталь, алюминий и автомобили 25% пошлины на товары, не соответствующие требованиям USMCA (United States-Mexico-Canada Agreement); пошлины для стран – на уровне, объявленном 2.04.2025; пошлины для КНР 45% + 20% надбавка за фентанил; зеркальные ответные меры со стороны Китая; 20% ответные меры со стороны ЕС			
Сценарий низких пошлин	25% пошлины на сталь, алюминий и автомобили; 12% пошлины на товары, не соответствующие требованиям USMCA (United States-Mexico-Canada Agreement); пошлины для стран – на уровне 10% на товары партнеров, не входящих в USMCA, за исключением Китая; пошлины для КНР 10% + 20% надбавка за фентанил Зеркальные ответные меры со стороны Китая, без ответных мер ЕС; сохранение секторальных изъятий			

Источник: составлено авторами по (McKibbin W.J., Noland M., Shuetrim G. (2025). The global economic effects of Trump's 2025 tariffs // Peterson Institute for International Economics, Working Papers, 25–13)).

Как показывает исторический опыт, изменение двусторонних тарифов приводило к перенаправлению торговли в сторону третьих стран, часто с ощутимыми негативными последствиями. Так, перенаправление огромных объемов китайского экспорта в развивающиеся страны иногда становится препятствием и для проведения их политики индустриализации, так как конкурировать с более дешевой китайской продукцией практически невозможно. Так, более 300 тыс. работников швейных и текстильных фабрик в Индонезии потеряли работу за последние два года из-за наплыва дешевой одежды и тканей из Китая⁶⁷.

67. Bennhold K. (2025). The Second 'China Shock'. Dec. 8, <https://www.nytimes.com/2025/12/09/world/china-trade-asia-gaza-thailand-cambodia.html>

4. Расширение старых и формирование новых интеграционных альянсов без участия США

Протекционистская торговая политика Д. Трампа ускоряет интеграционные процессы в мировой экономике на трансрегиональном и региональном уровнях, но в них не принимают участия сами США. Как отмечает The Economist, пошлины Трампа подталкивают другие страны к более тесному сотрудничеству в рамках торговых правил. Экономическая интеграция когда-то считалась угрозой суверенитету. Сегодня она стала его щитом⁶⁸.

В частности, началось расширение всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства, в которое в 2024 г. вошла Великобритания, а в 2025 г. ЕС и Южная Корея заявили о своем желании присоединиться к нему. Число участников данного альянса может расшириться и за счет других стран — Камбоджи, Коста Рики, Эквадора, ОАЭ, Филиппин, Индонезии.

В поисках новых перспективных и предсказуемых рынков и надежных партнеров постепенно разворачиваются в сторону Китая и стран Центральной Азии государства Персидского залива⁶⁹. В частности, Китай, 10 стран АСЕАН и 6 членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива 27 мая 2025 г. провели первый трехсторонний саммит, где заявили о намерении создать интеграционный блок, который будет обладать мощным экономическим, финансовым и энергетическим потенциалом.

Япония выступила с инициативой создания экономической зоны, соединяющей Индийский океан с Африкой, поскольку присутствие Америки там сокращается, а влияние Китая стремительно растёт. Она собирается вложить в этот проект до 5 млрд долл.⁷⁰

Канада в 2025 г. подписала 12 соглашений о торговле и безопасности на четырех континентах, ведет переговоры о заключении соглашений о свободной торговле с Индией, АСЕАН, Таиландом, Филиппинами и МЕРКОСУР, договорилась о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с ЕС, что будет способствовать трансат-

68. The Economist (2025). The new globalisation paradox. 30 October.

69. Виноградов И. (2025). Глобальный Юг сближается. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnyy-yug-sblizhaetsya-o-sammite-asean-ssagpz-kitay/>

70. The Exchange (2025). Japan readies \$5 billion support for new 'Indian Ocean-Africa' economic zone. <https://theexchange.africa/africa/japan-africa-investments>

лантической интеграции, которую тормозит Д. Трамп. Канада, как и Великобритания и Германия, руководители которых в начале 2026 г. провели соответствующие переговоры в Пекине и планируют расширить свои торговые отношения с Китаем.

Индия после заключения соглашения о зоне свободной торговли с Великобританией ведет аналогичные переговоры с ЕС, ЕАЭС, Австралией, Республикой Корея. Эти примеры можно продолжить.

При этом расширяется использование форматов интеграционных союзов, не связанных с обязательствами по свободной торговле. К ним, например, относятся подписанные в 2025 г. соглашения о всестороннем сотрудничестве стран Центральной Азии с ЕС и с Китаем. Такой формат экономической интеграции значительно ускоряет переговоры, так как не требует длительных согласительных процедур и способствует формированию блоков с большим количеством участников.

Трампономика 2.0 стала новым триггером экономической консолидации государств Глобального Юга в форматах БРИКС Плюс и ШОС.

АДАПТАЦИЯ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ К НОВОМУ МИРОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ БЕСПОРЯДКУ

Торговая политика США оказывает разнонаправленное влияние на страны СНГ, усиливая экономические риски, с одной стороны, и создавая возможности, с другой. По данным национальных статистических агентств и Межгосударственного статистического комитета СНГ, крупнейший среди стран постсоветского зарубежья товарооборот с США в 2025 г. был у Казахстана — 5048,5 млн долл. США (табл. 4), что составило 3,51% его совокупного внешнеторгового оборота. При этом более половины товарооборота между Казахстаном и США — 58% — приходилось на экспорт из Казахстана. Уровень эффективных импортных пошлин США для Казахстана был относительно низким и составлял 2,14%.

Однако введенные в 2025 г. чрезвычайные тарифы затронули лишь 4,8% от общего объема экспорта зарубежных постсоветских государств, поскольку основные экспортируемые товары (сырая нефть, уран, серебро, ферросплавы и другие сырьевые товары) не облагаются пошлинами и включены в перечень исключений⁷¹. Поэтому, например, пошлины для постсоветских государств Центральной Азии, по оценкам экспертов Global Trade Alert, носили символический характер.

71. Токтар Б. (2025). Минторговли: 92% экспорта из РК в США не попадает под новые пошлины. <https://forbes.kz/articles/mintorgovli-92-eksporta-iz-rk-v-ssha-ne-popadaet-pod-novye-poshliny-b410e0#:~:text=Как>

Таблица 4. Торговля стран постсоветского зарубежья с США в 2025 г.

Страна	Общий товарооборот, млрд долл.	Товарооборот с США, млн долл.	Доля товарооборота с США в общем товарообороте, %	Эффективные импортные пошлины США, 09.02.2026 г., %
Азербайджан	48,91	495,3	1,01	27,54
Армения	21,43	282,4	0,94	11,44
Беларусь	89,77	38,0	0,04	...
Казахстан	143,89	5048,5	3,51	2,14
Кыргызстан	15,80	187,2	1,18	20,81
Молдова	14,70	176,4	1,20	27,42
Таджикистан	10,74	37,6	0,35	2,01
Узбекистан	81,17	1004,0	1,24	15,59
Туркменистан	21,80	152,7	0,70	1,59
Грузия	23,43	247	1,05	8,69

Источник: составлено авторами по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ (<https://new.cisstat.org/cis-stat-home>); GTA (2026). Global Trade Alert US Tariff Barrier Estimates. 20 February.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что ужесточение тарифного регулирования способно генерировать компенсаторные экономические эффекты. Ограничение доступа на традиционные рынки обуславливает поиск субъектами внешнеэкономической деятельности альтернативных направлений. Для Казахстана это открывает преференциальные возможности в области диверсификации импортных поставок средств производства, транспортной техники и строительных компонентов⁷².

В отличие от мер таможенно-тарифного регулирования рестрикции США и западной коалиции против Российской Федерации оказали беспрецедентно более глубокое деструктивное воздействие на экономики стран постсоветского пространства. Ключевым дестабилизирующим фактором здесь выступает экстерриториальный механизм вторичных санкций, который деформирует не только двустороннее сотрудничество с Россией, но и всю систему международных экономических связей этих государств⁷³.

Вопреки давлению со стороны пула западных стран ряд стран СНГ продолжают выполнять многосторонние и двусторонние дого-

72. Measuring impact of US tariffs on Central Asia and South Caucasus. <https://eurasianet.org/measuring-impact-of-us-tariffs-on-central-asia-and-south-caucasus>

73. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2026). Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств // AlterEconomics. Vol. 23. No. 1. Pp. 234–250. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13.

воренности с Россией, минимизируя риски дефрагментации регионального экономического пространства. В результате, по данным на начало октября 2025 г., под прямые ограничения подпал целый ряд хозяйствующих субъектов из стран СНГ и ближнего зарубежья. В частности, санкционное воздействие затронуло 15 компаний из Кыргызстана, 11 — из Казахстана, 9 — из Узбекистана, по 3 предприятия из Армении, Азербайджана и Грузии, а также 4 юридических лица из Молдовы⁷⁴, что существенно влияет на их деятельность.

Наиболее глубокое негативное воздействие внешние ограничительные меры оказали на финансово-кредитную систему Республики Казахстан. Высокая степень торгово-инвестиционной интеграции с Российской Федерацией вовлекла национальный банковский сектор в зону повышенного риска. Стремление нивелировать угрозу экстерриториальных (вторичных) санкций вынудила банки Казахстана следовать жестким международным предписаниям. Следствием данного процесса стало возникновение феномена «чрезмерного комплаенса» (overcompliance), при котором финансовые институты превентивно внедряют регуляторные барьеры, существенно превосходящие базовые требования санкционных пакетов. Подобная практика гипертрофированного контроля влечет за собой долгосрочные негативные макроэкономические последствия: рост транзакционных издержек для субъектов хозяйствования, снижение динамики трансграничной торговли и сокращение притока прямых иностранных инвестиций⁷⁵.

Под воздействием жесткого комплаенс-контроля со стороны казахстанских финансовых институтов, стремящихся нивелировать риски экстерриториальных ограничений со стороны США и ЕС, поставки продукции машиностроения из Казахстана в Российскую Федерацию в 2024 г. сократились на 15%⁷⁶. Тем не менее в казахстанском экспертном сообществе имеется альтернативная точка зрения, согласно которой санкционные риски оцениваются как минимальные, поскольку правоприменительная практика вторич-

74. OFAC Sanctions List Service. <https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/>

75. Ермолаев Т.А. (2025). Санкционный комплаенс в Республике Казахстан под воздействием санкций ЕС и США // Вестник науки. № 1 (4(85)). С. 291–302.

76. Более 20 казахстанских компаний подпали под санкции за связи с РФ. <https://www.tks.ru/politics/2025/03/18/0008/>

ных санкций носит точечный характер и затрагивает исключительно отдельные хозяйствующие субъекты, непосредственно вовлеченные в запрещенные трансакционные схемы⁷⁷.

Таким образом, санкционный режим коалиции западных стран выступает мощным фактором структурной перестройки геоэкономической архитектуры постсоветского пространства. Накладывая жесткие ограничения на традиционные форматы кооперации с Россией, внешнее антироссийское давление провоцирует нарастание центробежных тенденций в региональных блоках (ЕАЭС, СНГ), одновременно укрепляя позиции США и других глобальных игроков в регионе.

Администрация Д. Трампа отводит региону Центральной Азии и Южного Кавказа роль зоны повышенного геополитического и экономического значения для США. Многосторонняя дипломатическая платформа «С5+1», учрежденная США и пятью государствами Центральной Азии в 2015 г., выступает базовым инструментом регионального позиционирования Вашингтона. В период президентства Д. Трампа данный формат подвергся качественной функциональной модернизации, последовательно трансформируясь из площадки общеполитического диалога в институциональный базис для выстраивания новых форматов трансграничного экономического и инвестиционного взаимодействия⁷⁸. В период 2025–2026 гг. администрация Д. Трампа резко активизировала экономическое взаимодействие со странами СНГ (прежде всего Центральной Азии), заключив ряд крупных соглашений и инвестиционных сделок в сфере критически важных минералов и редкоземельных металлов для снижения своей зависимости от Китая:

- в феврале 2026 г. США и Узбекистан подписали соглашение о стратегическом партнерстве в сфере критически важных минералов и редкоземельных металлов (РЗМ), которое предполагает развертывание американских инвестиций

77. Убережет ли Казахстан сближение с США от вторичных санкций. https://rus.baq.kz/uberezhet-li-kazahstan-sblizhenie-s-ssha-ot-vtorichnyh-sanktsiy-mnenie-ekonomista_300026468/

78. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2026). Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств // *AlterEconomics*. Vol. 23. No. 1. Pp. 234–250. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13.

в добычу и переработку узбекистанских редких и редкоземельных элементов⁷⁹;

- Казахстан и США развивают стратегическое сотрудничество в сфере критически важных минералов, в ноябре 2025 г. подписали меморандум о взаимопонимании и заключили ряд коммерческих контрактов на общую сумму более 1 млрд долл., среди которых соглашение о разработке крупнейших вольфрамовых месторождений «Верхнее Кайракты» и «Северный Катпар», заключенное между американской инвестиционной компанией Cove Capital и казахстанской государственной компанией «Тау-Кен Самрук», совместный проект геологоразведки редкоземельного участка «Акбулак» в Костанайской области, богатого ключевыми металлами для производства магнитов (неодим, диспрозий, тербий), и другие проекты⁸⁰;
- заключение крупной сделки с Узбекистаном о покупке Ташкентом 22 самолета Boeing 787–9 Dreamliner на сумму 8 млрд долл., что, по словам Д. Трампа, «создаст более 35 тысяч рабочих мест США»⁸¹.

Интенсификация геостратегического присутствия США в Центральноазиатском макрорегионе детерминирована рядом фундаментальных факторов. Во-первых, территория обладает богатейшей сырьевой базой, содержащей промышленные объемы углеводородов и стратегического сырья. Во-вторых, высокая логистическая значимость региона стимулирует вовлеченность Вашингтона в проектирование альтернативных путей сообщения, в особенности Транскаспийского маршрута. Наконец, Центральная Азия рассматривается Белым домом как плацдарм для геополитического маневрирования в рамках глобальной конкуренции с КНР⁸².

79. Узбекистан подписал соглашения с компаниями США о критических минералах // РБК. 9 апреля 2025. <https://www.rbc.ru/business/09/04/2025/67f69cd99a794775c06e7b1b>

80. Казахстан подписал с компанией Wabtec соглашения на \$4,2 млрд. <https://forbes.kz/articles/kazakhstan-podpisal-s-kompaniyey-wabtec-soglasheniya-na-42-mlrd-29236d>

81. Кожемякин С. (2025). В кабалу по собственному желанию. «Правда» об укреплении влияния США в Средней Азии. <https://kprf.ru/international/capitalist/237790.html>

82. Гегелашвили Н. (2025). Политика новой администрации Д. Трампа в Центральной Азии. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-novoy-administratsii-d-trampa-v-tsentralnoy-azii/>

В целях усиления своего геополитического влияния в макро-регионе, создания механизмов сдерживания российско-китайского стратегического альянса, а также установления контроля над ключевыми сырьевыми рынками (прежде всего урана, нефти и природного газа) США осуществляют переформатирование своей внешней политики посредством обновленной стратегии «Большой Центральной Азии». Целью данной стратегии является перераспределение баланса сил в треугольнике Вашингтон—Москва—Пекин и обеспечение американского присутствия на рынках стратегического сырья путем вовлечения стран региона в американские инициативы, инвестиционные проекты, программы безопасности и альтернативные транспортно-логистические маршруты⁸³.

Дальнейшее закрепление курса на многовекторность получило развитие в рамках Седьмой консультативной встречи лидеров центральноазиатских республик в Ташкенте. Важнейшим геополитическим прецедентом здесь выступила институционализация участия Азербайджана, заложившая основу для формирования единого контура сотрудничества по линии «Центральная Азия — Южный Кавказ» без прямого вовлечения России. Системная трансформация выразилась в одобрении концепции перехода от диалогового формата к созданию полноценного «Сообщества Центральной Азии». Нормативно-правовым базисом этого процесса призваны стать Региональная программа торгово-экономического взаимодействия до 2035 года, Декларация об общем инвестиционном пространстве и дорожная карта по развитию электронной коммерции. Особое внимание стороны уделили диверсификации транспортных путей, в частности интеграции строящейся магистрали Китай — Кыргызстан — Узбекистан с Зангезурским коридором, что позволит замкнуть кратчайший транзитный маршрут между азиатскими и европейскими рынками⁸⁴.

При Трампе заметно расширяются связи с европейскими странами ЕАЭС, который является основным интеграционным объединением на постсоветском пространстве. Так, Армения

83. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2026). Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств // *AlterEconomics*. Vol.23.No.1. Pp.234–250. DOI:10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13

84. О чем говорили президенты стран Центральной Азии и Азербайджана на встрече в Ташкенте (2025). 17 ноября. <https://www.gazeta.uz/ru/2025/11/17/central-asia>

и США создадут совместную управляющую компанию, которая будет, как минимум, 49 лет курировать комплекс вопросов, связанных с так называемым «Маршрутом Трампа во имя мира и процветания (TRIPP)» на Южном Кавказе⁸⁵. Американская компания Firebird получила разрешение властей США на экспорт в Армению микросхем Nvidia, которые из-за санкций недоступны для России, для строительства дата-центра мощностью 100 мегаватт и создания суперкомпьютера. Общие инвестиции в этот проект оцениваются в 500 млн долл.⁸⁶

В декабре 2025 г. во время визита вице-президента США Дж. Вэнса с Арменией и Азербайджаном были заключены новые соглашения о экономическом и военном сотрудничестве, свидетельствующие о растущем интересе США к региону Южного Кавказа, что не в последнюю очередь связано с планами Д. Трампа в отношении соседнего Ирана. Речь идет о сотрудничестве в атомной энергетике с Арменией, для которой США планируют поставить оборудование на 5 млрд долл., а в перспективе — заключить контракты еще на 4 млрд долл., а также предоставить технологии для производства разведывательных дронов за 11 млн долл.

26 мая 2026 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между США и Арменией по обеспечению цепочек поставок в сфере добычи и переработки критических минералов и редкоземельных металлов, а также одобрен пакет других стратегических документов, в том числе Устав о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между США и Арменией; соглашение о развитии транзитного коридора TRIPP («Маршрут Трампа во имя международного процветания»), который должен связать Азию с Европой в обход России и Ирана⁸⁷.

Для Белоруссии США в 2025 г. сняли санкции с ее главной авиакомпания «Белавиа» и с белорусской калийной отрасли, являющейся одним из главных источников валюты страны.

85. Армения и США прокладывают путь. <https://www.kommersant.ru/doc/8341287>

86. Будет ли реализован план по превращению Армении в «цифровую» колонию Америки? <https://www.fondsk.ru/news/2025/11/26/budet-li-realizovan-plan-po-prevrascheniyu-armenii-v-cifrovuyu-koloniyu-ameriki>

87. Армения и США подписали устав всеобъемлющего стратегического партнерства // Интерфакс. 27 мая 2026. <https://www.interfax.ru/world/1091947>

С Азербайджаном в 2026 г. была подписана Хартия о стратегическом партнерстве между США и Азербайджаном, предусматривающая расширение взаимодействия в энергетике, обороне, торговле и цифровых технологиях.

О желании Д. Трампа усилить влияние на страны постсоветского зарубежья свидетельствует его демонстративное приглашение участвовать в новом органе глобального управления — «Совете Мира», который США продвигают в качестве неофициальной, но конкурирующей с ООН, структуры. Данное приглашение, в отличие от многих авторитетных мировых экономик, получили и приняли Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан.

НАСКОЛЬКО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫМ БУДЕТ НОВЫЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК

Трампономика 2.0 наносит сильный удар по главным устоям мирового экономического порядка — принципам, правилам и институтам, дезорганизуя его. В то же время рано или поздно состояние острого беспорядка в мировой экономике изменится. Для этого есть ряд объективных предпосылок. Уже сейчас очевидно, что абсолютного отказа от системного процесса глобализации не происходит, а только меняются направленность, структура и качество трансграничных потоков товаров, капитала и услуг.

Никакой протекционизм не может отменить проверенных временем законов, на которых основано международное разделение труда. Как справедливо отмечают Н.В. Смородинская с соавторами, переход стран от принципов экономической открытости и коллективных правил игры к идеологии протекционизма и самодостаточности чреват накоплением глобальной неэффективности, что будет препятствовать успешному достижению странами целей стабильного и безопасного развития⁸⁸.

По мнению авторов монографии «Новый глобальный экономический порядок», Трампизм не предлагает серьезного решения мировых дисбалансов, одновременно усугубляя их негативные последствия. Поэтому настало время переосмыслить, как может

88. Смородинская Н.В. и др. (2025). Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма // Вестник Института экономики Российской академии наук. №6. С. 127–146. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_127_146

выглядеть более здоровый, инклюзивный и устойчивый глобальный экономический порядок⁸⁹.

Никуда не исчезнут сами собой и такие насущные проблемы человечества, как изменение климата, обеспеченность продовольствием и энергией, экономическое и технологическое неравенство, глобальное уклонение МНК от уплаты налогов, гонка вооружений, поглощающая огромные финансовые ресурсы, ядерная безопасность и т.п.). Будут появляться и новые проблемы (глобальные киберугрозы, безопасность ИИ, использование быстро заполняющегося околоземного космического пространства и многие другие), которые требуют согласованных действий и общих правил для всего мирового сообщества. Например, новая модель ИИ Claude Mythos, выпущенная в 2026 г. компанией Anthropic, стала предметом специального совещания в администрации Д. Трампа с участием руководителей системных американских банков. Данная модель, которая будет совершенствоваться, уже способна выявлять и использовать ранее неизвестные уязвимости программного обеспечения с беспрецедентной точностью, что может иметь катастрофические последствия для мировой валютно-финансовой системы. Это означает, что потенциально может расшириться число стран, которые владеют новым эффективным оружием, и возникнет иной баланс сил в глобальной экономике и политике.

Иными словами, существуют серьезнейшие предпосылки того, что мировой экономический беспорядок не может продолжаться бесконечно долго и требуются эффективные неотложные решения, которые бы улучшили ситуацию.

В то же время очевидно, что разработка и принятие новых правил и норм, приемлемых для большинства государств в современных условиях, потребует значительного времени. Все это говорит об огромных сложностях формирования НМЭП и рассчитывать на сравнительно быстрое решение этой проблемы нельзя. А.А. Дынкин в 2024 г. назвал возможный для этого срок — не менее 10 лет⁹⁰. Сейчас такой прогноз выглядит достаточно оптимистичным. Мир

89. The New Global Economic Order (2026). Edited by Lili Yan Ing and Dani Rodrik. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781003571384.

90. Дынкин А.А. (2024). Трансформация мирового порядка: экономика, идеология и технологии. Полис. Политические исследования. №5. С. 10. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.02.

становится все более геополитически фрагментированным и многополярным, когда намного труднее становится добиться международного консенсуса.

Кроме того, возникает и другой вопрос, можно ли считать наши сегодняшние представления о перспективном НМЭП через 10 лет или еще более длительный период времени реалистичными. Очевидно, что в условиях тектонических перемен невозможно дать достаточно точный прогноз о раскладе экономических и политических сил даже на среднесрочный период, не говоря уже о самых невероятных сюрпризах, которые может принести 5-я технологическая революция. И это не только общий искусственный интеллект, который уже в 2030-е годы может сравниться с человеческим, или даже превзойти его.

Поэтому условно можно говорить только о возможных сценариях формирования общего НМЭП.

Сценарий 1. Макрорегиональные порядки и сферы влияния

Такой сценарий фактически реализовывался с конца Второй Мировой войны, когда были созданы многие глобальные институты мировой экономики МВФ (1944 г.), Международный банк реконструкции и развития (1944 г.), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (1947 г.) и многие другие. В них сознательно не вошли СССР, который участвовал в Бреттон-Вудской конференции 1944 г., заложившей основы новой мировой валютно-финансовой системы, и европейские страны народной демократии, вставшие на путь социалистического развития советского типа. Ими был создан социалистический миропорядок со своими экономическими и политическими институтами, позволявшими координировать политику и вырабатывать общие решения. Важнейшую роль в социалистическом миропорядке играл созданный в 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), который был расформирован в 1991 г. При этом Китай не входил ни в один из существовавших в то время блоковых миропорядков. И только после окончания «холодной войны I» в 1990-е годы наметился курс на сближение так называемых «западного» и «восточного» экономических порядков, который привел к новой мирохозяйственной системе.

Идею о установлении НМЭП в отдельных макрорегионах высказал Си Цзиньпин в своей речи на Беооском Азиатском форуме 29 марта 2015 г. Он заявил о целесообразности формирования регионального экономического порядка, который будет более выгодным для Азии и мира и будет способствовать построению «Сообщества единой судьбы человечества», двигаясь к азиатскому сообществу судьбы⁹¹. То есть азиатский макрорегиональный порядок рассматривается как этап реализации китайской концепции глобального миропорядка, предложенной Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на 18-м Съезде КПК.

Сценарий макрорегионального экономического порядка корреспондирует с весьма дискуссионной идеей о формировании отдельных сфер влияния в глобальной политике и экономике у отдельных мировых гегемонов, которые были бы ограничены от влияния других глобальных акторов. Такая позиция нашла отражение и в новой Стратегии национальной безопасности США, которая называет преференциальным для США макрорегионом все Западное полушарие (повторение главного посыла доктрины Монро 1823 г., переименованной Д. Трампом в связи с его дополнениями в доктрину Донро)⁹². Однако, как показывает реальная политика, интересы США выходят за рамки обозначенных в официальных документах зон влияния. Не говоря уже и о том, насколько наличие отдельных зон влияния отвечает интересам входящих в них отдельных государств, вкусивших преимущества многовекторного развития.

Например, в самом Западном полушарии США не поддерживают многие государства, а отношения с некоторыми из них носят конфронтационный характер. Об этом говорят итоги состоявшегося в марте 2026 г. саммита США и «идеологически близких» стран Латинской Америки, получившего название «Щит Америки». В нем приняли участие 9 государств, но даже не получили предложение лидеры таких авторитетных стран региона, как Бразилия, Колумбия и Мексика. Отметим также, что в 2025 г. США отказались от участия в созданном по инициативе Дж. Байдена

91. Исследование по рационализации международного экономического порядка / Главные редакторы Чэн Энфун и Сунь Шаюан. М.: Родина, 2023. С. 9.

92. Department War (2026). National Defense Strategy. 23 January.

в конце 2023 г. «Партнерства стран Америки для экономического процветания», в котором согласились участвовать 12 государств Северной и Южной Америки. Кроме того, государства МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай) значительно активизировали свое торгово-экономическое сотрудничество с Европой, заключив соглашения о партнерстве и свободной торговле со странами Европейской ассоциации свободной торговли (декабрь 2025 г.) и Евросоюзом (январь 2026 г.).

Ряд экспертов поддерживают идею европоцентричного экономического порядка, основанного на коалиции заинтересованных стран во главе с Евросоюзом, который «будет представлять собой управляемую глобализацию и экономическую политику, укорененные в институтах и законах, и поддерживаемые вновь милитаризированной Европой»⁹³. Но даже в самом ЕС нет такого единства, так как имеются серьезные расхождения по некоторым важнейшим вопросам внешней и интеграционной политики, которые усилились в связи с политикой Д. Трампа, ведущей к расколу трансатлантического альянса.

С другой стороны, идея европейского мирового порядка как основы НМЭП в современных условиях получила новую поддержку влиятельной неевропейской страны — Канады, которую Д. Трамп хотел сделать 51-м американским штатом и продолжает угрожать обострением торговой войны. Как заявил канадский премьер М. Карни, «Европа не подчинится более «жестокому миру», а может стать базой для восстановления нового международного порядка»⁹⁴.

Тем не менее весьма спорно утверждать, что раздел глобального экономического пространства на сферы влияния и установление макрорегиональных экономических порядков будет способствовать формированию стабильного и предсказуемого НМЭП. И не превратится ли при таком сценарии конкуренция отдельных крупных акторов мировой экономики в еще более жесткое соперничество за сферы влияния крупных групп стран?

93. McNamara K.R. (2025). The EU in a new geopolitical world order. 28 April. <https://www.realinstitutoelcano.org/en/commentaries/the-eu-in-a-new-geopolitical-world-order/>

94. The Guardian (2026). Europe can rebuild rules based international order. 4 May. <https://www.theguardian.com/world/2026/may/04/europe-can-rebuild-rules-based-international-order-says-mark-carney>

Сценарий 2. Интеграция интеграций

Более прагматичной представляется идея «интеграции интеграций», то есть интеграции существующих региональных и транс-региональных интеграционных блоков, которые охватывают значительные ареалы мировой экономики (табл. 5).

Таблица 5. Характеристики некоторых крупнейших трансрегиональных и региональных интеграционных блоков в мировой экономике, %, доступные данные за 2023 г., 2024 г. или 2025 г.

Блок	Число участников	Доля в ВВП	Доля в экспорте	Доля в населении
Инициатива «Пояс и Путь»	151	> 50	> 40	75
Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство	12	15	15	8
Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство	15	30	29	30
ЕС	27	14	17	6
ЕС плюс МЕРКОСУР	31	20	19	9
Африканская континентальная зона свободной торговли	54	3	3	17
Индо-Тихоокеанская экономическая структура	14	40	28	32
БРИКС +	10	33	26	49
USMCA	3	30	15	6

Источники: составлено авторами по базам данных World Bank, UNCTAD, Trade Map.

В рамках этих блоков согласовываются общие правила функционирования, хотя они существенно отличаются. Например, эти правила жестче в ЕС и мягче в китайской Инициативе «Пояс и Путь». Ряд государств входит в разные блоки, что говорит о гибкости их интеграционной политики и о дополнительных возможностях адаптации к НМЭП.

Сценарий 3. Коалиции

Идеи создания крупных группировок государств, придерживающихся общих взглядов на экономический миропорядок, критикуются некоторыми государствами, опасющимися политического и экономического давления более сильных стран в таких группировках. В данной связи М. Карни высказал идею о необходимости

консолидации средних стран, поскольку, если они не сидят за столом переговоров, они становятся «частью меню»⁹⁵. Имеются хорошие примеры создания подобных альянсов — АСЕАН, МЕРКОСУР, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и т.п., а также быстрого формирования достаточно широких коалиций стран, которые заинтересованы в решении важных глобальных проблем. Однако такие коалиции, как правило, занимают скромное место в мировой экономике и не способны существенно консолидировать мировое экономическое пространство.

Сценарий 4. Модернизация

Более вероятен для построения НМЭП сценарий с серьезным ускорением МОДЕРНИЗАЦИИ существующей системы глобального управления с учетом новых трендов социально-экономического и технологического развития. Кардинально порушить старый миропорядок легче, чем построить качественно новый. Это потребует умножения усилий по сближению позиций ведущих акторов по трансформации главных действующих институтов глобального управления, прежде всего систем ООН, ВТО, МВФ, Всемирного банка, а также Группы двадцати (G20). Представляется, что реальной альтернативы такому варианту нет. Как отмечают Дж. Стиглиц и Д. Родрик, некоторые фундаментальные предположения нового торгового порядка после Всемирной торговой организации больше не являются жизнеспособными⁹⁶. Здесь не подходят такие скоротечные решения с исключительной ролью США (типа «Совета мира»), которые предлагает Д. Трамп, так как они вряд ли станут привлекательным путем выхода из накопившихся проблем и построения НМЭП.

Особо хотелось сказать о G20, которая представляет 2/3 мирового населения, 85% мирового ВВП, 75% мировой торговли. Сама G20 была создана в декабре 1999 г. после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., но ее роль в принятии коллективных анти-

95. Special address by Mark Carney, Prime Minister of Canada. Davos 2026. 20 January. <https://www.weforum.org/stories/2026/01/davos-2026-special-address-by-mark-carney-prime-minister-of-canada/>

96. The New Global Economic Order (2026). Edited by Lili Yan Ing and Dani Rodrik. New York: Routledge. P. 35.

кризисных решений существенно возросла в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. Однако при Д. Трампе значение G20 в глобальном управлении существенно ослабла, что проявилось в отказе руководителей влиятельнейших государств мира (США, Китая, России) от участия в саммите этой организации в ноябре 2025 г. Вместе с тем реформа этой крупнейшей платформы для координации экономической политики и выработки согласованных решений по НМЭП могла бы существенно возрасти, в том числе за счет ее расширения до G30 или G40. Хотя такое расширение противоречит нарративам современной политики США (слишком много участников, многие направления, например, климатическая повестка, не соответствуют американским интересам).

Сценарий 5. Смена политических лидеров

Поскольку мировая политика сегодня сильно персонализирована, нельзя исключать сценариев внезапного ухода ключевых фигур с политической арены — будь то в результате выборов, добровольной отставки или по состоянию здоровья. Смена лидера в экономически значимой стране почти всегда означает полную ревизию ее прежнего курса. Для глобальной системы это открывает окно возможностей: новые руководители могут проявить большую гибкость и готовность к уступкам, что резко ускорит демонтаж старых догм и формирование НМЭП.

Сценарий 6. Катастрофа

К сожалению, нельзя не иметь в виду и крайнего негативного сценария глобальной катастрофы, например, масштабного вооруженного конфликта. Как показывает исторический опыт, именно после подобных катастрофических потрясений удавалось быстрее сблизить позиции большинства акторов мировой экономики и выработать новые общие правила сосуществования. Конечно, такой сценарий означал бы неимоверную цену за НМЭП, и хотелось бы надеяться, что он останется только гипотетическим.

Хотя возможен и «более мягкий» катастрофический сценарий, связанный с жестким глобальным экономическим кризисом, который также заставит как можно скорее согласовать НМЭП.

Все эти сценарии скорее отражают возможности и вероятности, а не реальные варианты формирования НМЭП. При этом нельзя исключить, что длительное время будет сохраняться существующий экономический беспорядок, который будет сопровождаться как новыми кризисами, так и некоторыми согласованными глобальными решениями и компромиссами. Такое состояние в целом будет отрицательно отражаться на мировой экономике и на развитии отдельных государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная мировая экономика столкнулась со сложнейшим за последние 80 лет испытанием. Трампономика 2.0, носящая сильный персоналистский характер, стала спусковым крючком механизма разрушения либерального мирового экономического порядка, который последовательно формировался на протяжении последних десятилетий. Идеология и теоретические обоснования новой американской политики противоречат многим фундаментальным положениям классических теорий мировой торговли и международного разделения труда, апробированным долголетней практикой, а иногда, и здравому смыслу. Поэтому вполне логично называть современный этап мирового развития мировым экономическим беспорядком имени Дональда Трампа, который любит присваивать свое имя всем своим, и не только своим, деяниям.

Важнейшими последствиями новой торговой политики США стало стимулирование национального изоляционизма и перестройки производственных цепочек, трансформация глобальных торговых и инвестиционных потоков, формирование новых интеграционных союзов без участия США. Такая политика представляет серьезный вызов для международного сообщества, создавая новую динамику как в вопросах обеспечения мировой экономической безопасности, так и укрепления национальных экономических и технологических суверенитетов.

Трампономика 2.0 замедляет экономическую глобализацию, ведет к усилению геополитической фрагментации мировой тор-

говли и инвестиций, к ослаблению роли традиционных институтов глобального управления, к обострению глобальных проблем. Это усиливает неопределенность и непредсказуемость мирового развития, несет угрозу замедления экономического роста, а в более жестком варианте и глобальную рецессию.

Замена чрезвычайных импортных пошлин на глобальные после решения Верховного суда США в феврале 2026 г. принципиально не меняет сущности Трампономики 2.0. У Д. Трампа остаются возможности проводить свою протекционистскую внешнеторговую политику с помощью неторговых ограничений (лицензий, импортных квот, санитарных и технических мер). Однако эта ситуация сильно подрывает авторитет Д. Трампа у партнеров, усиливая их недоверие к взаимодействию с США и стимулируя их стремление к поиску альтернативных решений.

Эффекты Трампономики 2.0 ощущаются по всему миру, побуждая страны адаптироваться к новым экономическим реалиям для минимизации их негативного воздействия. Мировая экономика перестраивает систему глобальных экономических связей, создавая новые цепочки стоимости и транспортно-логистические маршруты. При этом используются оригинальные, иногда более сложные схемы, позволяющие минимизировать потери от высоких тарифов и обходить другие препятствия для развития межгосударственной кооперации. Такая адаптация говорит об устойчивости в целом системного процесса глобализации, приобретающего новые формы и содержание, основанные на инновационной экономике и ИИ. Цифровые технологии, платформенные экосистемы и глобальный бизнес могут поддерживать связанность мировой экономики даже в условиях жесткой геополитической конфронтации. Новая глобализация не повторит прежней либеральной глобализации периода расцвета свободной торговли 2000-х годов, но будет оказывать огромное влияние на мировое развитие.

В то же время процесс достижения консенсуса по вопросам глобального управления и установления НМЭП может существенно затянуться, так как складывающийся полицентричный мир значительно многограннее, чем прежние однополярные или биполярные системы. Также в связи с бурным развитием технологической революции, с одной стороны, и усилением персонализации международ-

ных отношений, с другой, становятся масштабнее и сложнее общие проблемы глобального социально-экономического развития, которые затрагивают значительно большее, чем прежде, число государств, ранее относившихся к практически незаметной периферии.

Все эти нарративы еще предстоит изучить и переосмыслить, так как зеркального возврата к прошлому не будет, а становление НМЭП может занять продолжительное время и сопровождаться новыми глобальными потрясениями.

Что касается государств постсоветского зарубежья, то очевидно, что интерес к этому важнейшему для России сообществу возрастает со стороны разных экономических акторов — Китая, ЕС, государств Персидского залива, Турции. Особенно заметно усилившееся в последние годы внимание к данным странам США, которые увеличили финансовые вложения и не распространяют на них свою жесткую тарифную политику. Данные моменты необходимо внимательнее учитывать при модернизации российской политики, предлагая более социально эффективные и уважительные варианты взаимодействия с этими странами, которые стремятся к укреплению своего суверенитета в новом многополярном мире. При этом постсоветское зарубежье могло бы извлечь выгоду из конфронтации США и Китая, став транзитным мостом и предложив удобные инвестиционные гавани. Однако для этого необходимы существенное улучшение инвестклимата и политическая стабильность в странах макрорегиона.

ЛИТЕРАТУРА

- Градов А.П., Иванова Е.А., Гутман С.С. Экономические порядки и институциональная среда национальной экономики // Экономическая наука современной России. 2003. № 1. С. 26–39.
- Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология и технологии // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 9–10. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.02.
- Иванченко И.С. Новый неомеркантилизм как вызов для глобализированной экономики // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 132–148. DOI: 10.32609/0042–8736–2021–9–132–148.
- Исследование по рационализации международного экономического порядка / под ред. Чэн Энфу и Сунь Шаююн. М.: Родина, 2023.
- Лебедева Л.Ф. Социальные ориентиры администрации Д. Трампа и их восприятие в американском обществе // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 6. С. 5–19. DOI: 10.31857/s268667300009767–3.
- Межгосударственный статистический комитет СНГ. База статистических данных. М.: Статкомитет СНГ, 2026.
- ООН. Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Принята резолюцией 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 года. Нью-Йорк: ООН, 1974.
- ООН. Программа действий по установлению нового международного экономического порядка. Принята резолюцией 3202 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 года. Нью-Йорк: ООН, 1974.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.
- Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е. Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 127–146. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_127_146.
- Спартак А.Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 7–29. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29.
- Сутян В.Б. Экономическая модель Трампа: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 34–42. DOI: 10.20542/0131–2227–2020–64–7–34–42.
- Толкачев С.А. Американо–китайское соперничество на рынке солнечной энергии США // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. № 3 (4). С. 5–13.

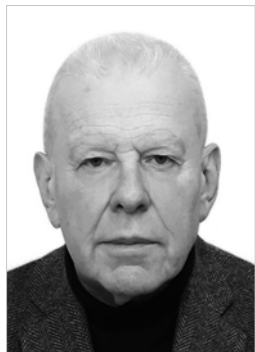
- Толкачев С.А., Анисимова А.И. Трампономика 2.0 как политическая экономика национального развития в эпоху глобальной трансформации // Российский экономический журнал. 2025. № 3. С. 30–51.
- Ушкалова Д.И. Тарифная политика Д. Трампа и внешняя торговля России // Вестник Института экономики РАН. 2025. № 6. С. 109–126. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_109_126.
- Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Новая торговая политика США: последствия для постсоветских государств // AlterEconomics. 2026. №23(1). С. 234–250. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.13.
- Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 6–23. DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01.
- Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России / под общ. ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. СПб.: Алетейя, 2024.
- Autor D., Beck A., Dorn D., Hanson G.H. (2024). Help for the Heartland? The Employment and Electoral Effects of the Trump Tariffs in the United States. NBER Working Paper 32082.
- Baldwin R. The Great Trade Hack: How Trump's Trade War Fails and the World Moves on. London: Centre for Economic Policy Research, 2025.
- BEA. U.S. International Trade in Goods and Services, Annual 2025. — Washington: Bureau of Economic Analysis, 2026.
- Becker J. (2022). Orders of exclusion: great powers and the strategic sources of foundational rules in International Relations. *International Affairs*, 98. Pp. 2149–2150. DOI: 10.1093/ia/iia249.
- Bentley A. Scientific Cosmology and International Orders. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Bhattacharya A. (2021). Economic Integration or Trumponomics: The Choice is a Big Question for Developing Economies. *Global Tariff War: Economic, Political and Social Implications*. Pp. 271–279. DOI: 10.1108/978-1-80071-314-720211021.
- Cerella A. (2022). Political theology of international order. *Contemp Polit Theory*, 21 (Suppl 2). Pp. 90–93. DOI: 10.1057/s41296-021-00474-0.
- Chang H.-J. (2025). A New International Economic Order for a New Global Economy. CDP Issue Brief. No. 3.
- Clausing K., Obstfeld M. (2025). Tariffs as Fiscal Policy. *PIIE Working Paper* 25-19.
- Cline W.R. (2025). Trump's global tariff war: Faulty premises, costly consequences. *PIIE Working Paper* 25-23.

- Crebo-Rediker H.E.* (2026). The Broken Economic Order. 15 May. <https://www.cfr.org/articles/the-broken-economic-order>
- Department War. National Defense Strategy 2026. Washington: U.S. Department of Defense, 2026.
- Dimitrijević D.* (2023). The Struggle for a New International Economic Order. *Revista Política Internacional*. Vol. 5. No. 3. Pp. 6–21.
- Dinga E.* (2020). On the concept of economic order // *Journal Contemporary Economy*. Vol. 5. No. 2. Pp. 62–71.
- Dinga E.* (2021). An Epistemological Archaeology of the Concept of Economic Order // *Expert Journal of Economics*. No. 9. Pp. 41–48.
- Dlakavu A.* The Great Powers and the Survival of the Liberal International Order: Four scenarios. Cape Town: ITUTA Books, 2025.
- Economic Policy Uncertainty. Global Economic Policy Uncertainty Index (GEPU). Evanston: Northwestern University, 2026.
- Evans O.* (2019). The effects of US-China trade war and Trumponomics. *Forum Scientiae Oeconomia*. Vol. 7. No. 1. Pp. 47–55.
- Fajgelbaum P.D., Goldberg P.K., Kennedy P.J., Khandelwal A.K.* (2020). The return to protectionism // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 135. No. 1. Pp. 1–55. DOI: 10.1093/qje/qjz036.
- Gensler G., Johnson S., Panizza U., di Mauro B.W.* (Eds.). (2025). The Economic Consequences of The Second Trump Administration: A Preliminary Assessment. Paris & London: CEPR Press.
- Global Trade Alert. Global Trade Database 2026. St. Gallen: University of St. Gallen, 2026.
- GTA. Global Trade Alert US Tariff Barrier Estimates. St. Gallen: GTA, 2026.
- Hinz J. et al.* (2026). America's Own Goal: Who Pays the Tariffs? Kiel Policy Brief N201.
- Ikenberry G., Myers J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- IMF. Annual Report 2025: Macroeconomic Challenges and Policies for Stability. Washington: International Monetary Fund, 2025. Ing L.Y., Rodrik D. (Eds.). The New Global Economic Order. Abingdon: Routledge, 2025.
- Jasmin I.A., Hosen I.* (2025). Trump 2.0: redefining America's role in the global order. *Discov glob soc*, 3, 140. DOI: 10.1007/s44282-025-00281-7.
- Johnson H.G.* (1976). The New International Economic Order. University of Chicago: Graduate School of Business.

- Johnston A.I.* (2019). China in a world of orders: Rethinking compliance and challenge in Beijing's international relations // *International Security*. Vol. 44. No. 2. Pp. 9–60.
- Lake D.A.* (2026). The End of the Liberal International Order? Globalization, Deep Contestation, and the Future // *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 19. No. 1. Pp. 10–24. DOI: 10.1093/cjip/poaf016.
- Lemieux P.* (2018). Peter Navarro's Conversion. CATO Institute Regulation.
- Losev A.* (2025). Economic nationalism and the decline of multilateralism: An analytical review of U.S. trade policy under Trump 2.0 // *Moscow Journal of Global Affairs*. Vol. 19. No. 1. Pp. 44–61.
- Mallin F., Sidaway J.D., Cheng H., Woon C.Yu.* (2025). Introduction: Explanation, critique and critics of geoeconomics. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 57. No. 1. Pp. 93–98.
- Martin F.* (2024). Decoding Industrial Policy Complexity: How Income Levels and Geopolitical Blocs Shape Economic Strategies. WTI Working Paper.
- McKeil A.* (2021). On the concept of international disorder // *International Relations*. Vol. 35. No. 2. Pp. 197–215. DOI: 10.1177/0047117820922289.
- McKibbin W.J., Noland M., Shuetrim G.* (2025). The global economic effects of Trump's 2025 tariffs. *PIIE Working Papers* 25-13.
- Miksjuk A. et al.* (2026). Macroeconomic Challenges of Fragility and Policies for Stability and Growth. *IMF Staff Discussion Note*. DOI: 10.5089/9798229031479.087.
- Moor S., Laffer A.* *Trumponomics: Inside the America First Plan to Revive Our Economy*. New York: All Points Books, 2018.
- Morse J.C., Pratt T.* (2025). Information Disorder and Global Politics // *International Organization*. No. 79(S1). Pp. S26–S43. DOI: 10.1017/S0020818325101069.
- Navarro P., Autry G.* *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action*. Upper Saddle River: Pearson FT Press, 2011.
- OFAC. Sanctions List Service. Washington: Office of Foreign Assets Control, 2026.
- Park S.* (2025). A disrupted global trading system and the future of multilateralism. *Asia and the Global Economy*. Vol. 5. No. 2. DOI: 10.1016/j.jaglobe.2025.100123.
- Prasad E.S.* *The doom loop: why the world economic order is spiraling into disorder*. Ithaca: Cornell University Press, 2026.
- Pryke S.* (2012). Economic Nationalism: Theory, History and Prospects // *Global Policy*. No. 3. Pp. 281–291. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2011.00146.x.

- Reshoring Institute. Global Labor Rate Comparisons 2024. San Jose: Reshoring Institute, 2024.
- Roberts A., Moraes H.C., Ferguson V.* (2019). Toward a Geoeconomic Order in International Trade and Investment // *Journal of International Economic Law*. Vol. 22. No. 4. Pp. 655–676. DOI: 10.1093/jiel/jgz036.
- Saxonhouse G.R., Saxonhouse A.W.* (1988). An Inquiry into the Philosophic Roots of Concepts of Economic Order // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 144. No. 2. Pp. 344–356.
- Siebert H.* (2008). The Concept of a World Economic Order. Kiel Working Paper No. 1392.
- Sisson M.W.* (2026). Order and Ideology. Why the Trump Administration is Redefining American Power and Purpose. Brookings Institution AIA Discussion Paper 2026#1.
- Spengler J.J.* (1948). The Problem of Order in Economic Affairs // *Southern Economic Journal*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–29.
- Starr F., Ewimbush E., Cornell S.E., Tsereteli M., Linderman L.* (2025). An American Strategy For Greater Central Asia. Special Report. Central Asia-Caucasus Institute. https://www.afpc.org/uploads/documents/FINAL_VERSION_An_american_strategy_for_greater_central_Asia.pdf
- Tang S.* (2016). Order: A Conceptual Analysis. *Chin. Polit. Sci. Rev.*, 1. Pp. 30–46. DOI: 10.1007/s41111-016-0001-7.
- UNCTAD. Global Trade Update: Top trends redefining global trade in 2026. Geneva: UNCTAD, 2026.
- Vishwakarma E. et al.* (2025). Economic development and self-reliant India: An empirical study // *Journal of Nehru Gram Bharati University*. Vol. 14. No I. Pp. 90–100.
- Yan L., Rodrik D.* The New Global Economic Order. New York: Routledge, 2026. DOI: 10.4324/9781003571384.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борис Аронович Хейфец — профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Автор и соавтор более 400 работ, в том числе 15 индивидуальных монографий, опубликованных в России и ряде зарубежных стран. В сферу научных интересов входят теория и практика развития мировой экономики и международных экономических отношений, закономерности глобализации, регионализации, трансрегионализации и экономической интеграции, глобальная и национальная деофшоризация экономики, политика управления иностранными инвестициями, внешним долгом и зарубежными кредитами, ЕАЭС, БРИКС, Инициатива «Пояс и Путь».

Вероника Юрьевна Чернова — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, эксперт в области обеспечения продовольственной безопасности и стратегического развития агропромышленного комплекса в условиях глобальных трансформаций и международных шоков. Научные интересы сфокусированы на междисциплинарном анализе мирохозяйственных связей, интеграционных процессах в Евразийском пространстве и макроэкономическом прогнозировании рынков продовольствия, инновационных подходах к моделированию устойчивых продовольственных систем и внедрению предиктивной аналитики в экономические исследования.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова

**НОВЫЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК
ИМЕНИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА
И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Оригинал-макет — *Валериус В.Е.*

Редактор — *Полякова А.В.*

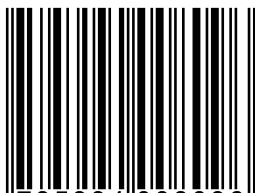
Компьютерная верстка — *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 06.07.2026 г.

Заказ № 5. Тираж 300. Объем 3,4 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0809-6

9 785994 008096 >